

18+

Лейла Хугаева

Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии

Тождество народного
и научного суверенитета

Лейла Хугаева

**Теория психической энергии
вместо Социологии и Психологии.
Тождество народного
и научного суверенитета**

«Издательские решения»

Хугаева Л.

Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии.
Тожество народного и научного суверенитета / Л. Хугаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980834-9

Эта книга расскажет о том, как кризис социальных наук стал камнем преткновения для развития теории народного суверенитета и поставил под угрозу политическую свободу граждан. Противостояние естественного и позитивного права в итоге закончилось победой последнего. Силловые институты подавили научные институты. Как вновь вдохнуть жизнь в естественное право на базе теории психической энергии. Какую роль будет играть в становлении естественного права международное сообщество ученых.

ISBN 978-5-44-980834-9

© Хугаева Л.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Часть первая.	8
Глава 1. Теория психической энергии и картезианский переворот в социальных науках	8
Глава 2. Социология Конта и иерархия наук	14
Глава 3. Кант и его коперников переворот в философии духа	23
Глава 4. Социология Вебера: господство и вождизм	32
Глава 5. Социология Гегеля и Маркса. Импотенция современной психологии	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Теория психической энергии
вместо Социологии и Психологии
Тождество народного
и научного суверенитета
Лейла Хугаева**

© Лейла Хугаева, 2020

ISBN 978-5-4498-0834-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Когда Конт вводил термин «социология» он разумел «социальную физику», то есть науку, которая будет изучать естественные законы общества также как законы физики.

Разумеется, он не признавал таковой диалектический материализм Маркса, который как и диалектика Гегеля не имеет никакого отношения к изучению естественных законов общества (и тем не менее Маркс, странно что не Гегель, признан одним из основоположников социологии).

Конечно же, он не мог иметь в виду и философию неокантианцев о том, что общество не имеет естественных законов и потому не имеет общечеловеческой природы, поскольку каждую эпоху и каждый народ можно только интуитивно прочувствовать. Тем не менее, Макс Вебер также считается одним из основоположников социологии.

Наконец, Дюркгейм всецело разделял позицию Конта о социальной физике, о наличии естественных законов в обществе, открытие которых позволит нам познать общечеловеческую природу.

Но почему же ни Дюркгейм, ни сам Конт нисколько не приблизили нас к познанию этой природы?

Потому что социология и психология неправильно представили объект исследования. Невозможно разделить человека как объект исследования между социологией и психологией, невозможно отделить индивида от общества. Вот почему любая психология социальная, и всякая социология – психологична.

Мне пришлось проделать всю эту аналитическую работу, чтобы понять, как будет называться моя следующая книга: «Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии»

Да, теория психической энергии изучает силовые поля психики, которые одинаково включают и индивида и общества. И это реальная социальная физика. Неслучайно, Оствальд, Фрейд, Дюркгейм, Тойнби пишут о психической энергии, но пока больше в качестве метафоры. Однако, никакой метафоры – самая реальная, самая строгая социальная физика.

Социология, в основе которой по большей части философия субъективизма неокантианцев, оправдывает и обосновывает позицию Гоббса, который по выражению Положа «утопил этику в положительном праве».

Действительно, отрицание объективных законов природы в обществе, противопоставление естественных и гуманитарных (социальных) наук, ведут к утверждению юриспруденции как единственно верной и самостоятельной социальной науки. Естественное право, которое видит своим источником законы природы человека, его врожденную нравственность, психологию, – отрицается. И только положительное право, устанавливаемое договором и угрозой наказания (силовыми институтами общества) признается единственной основой этики и порядка.

Теории естественного права и положительного права – противоположные теории, поскольку в первом случае врожденная этика человека трактуется как источник права, а во втором случае, напротив, утверждается, что врожденная нравственность у человека отсутствует.

Именно право своим законотворчеством вводит нормы общественного поведения, то есть право является источником этики, а не наоборот. Так говорили Аристотель, Макиавелли, Гоббс, Боден, Кант, Гегель, Фрейд, Вебер, Шмитт, Поппер и др., теоретики положительного права.

В свою очередь Платон, Цицерон, Спиноза, Декарт, Локк, Сидней, Кондорсе, Монтескье, Гроций, Руссо, Пейн, Мильтон, Милль, Конт, Спенсер, Рассел, Кропоткин, Ганди, Прудон – теоретики естественного права. Они считали, что человек имеет врожденную этику, которая одна только и может быть источником юридических законов общества.

Современная теория суверенитета является компиляцией этих двух противоречивых теорий. Идея положительного права представлена в ней доктриной государственного абсолютизма, которая является ее логическим развитием; а идея естественного права представлена в ней доктриной народного суверенитета. В первом случае утверждается, что верховенство власти принадлежит правительству, во втором случае – народу. Макиавелли, Гоббс и Боден, будучи авторами теории государственного абсолютизма, категорически возражали против участия народа в управлении и законотворчестве. Локк, Руссо, Пейн, Сидней, Мильтон, Монтескье – категорически восставали против узурпации власти правительством, настаивая на народоправстве.

Считается, что современная теория суверенитета разрешила этот конфликт, подчинив и народ и правительство в одинаковой степени – закону. Верховенство права вместо верховенства власти правительства – таково по мнению современных юристов окончательное решение трудностей противопоставления государственного абсолютизма и народного суверенитета.

Однако, если верховенство права логически вытекает из теории естественного права, как юридическое закрепление научной истины, знаний о врожденной природе человека, то оно совершенно никак не следует из положительного права, где источником этики выступает власть правительства. В частности, теоретики пропутинской доктрины государственного абсолютизма настаивают на фиктивности как самого понятия «народа» как «юридического лица», так и понятия «народного суверенитета» и обосновывают необходимость «упорядоченной иерархии власти» во главе с абсолютным сувереном.

Поэтому подчинение правительства и народа верховенству права осталось лишь формальностью. Сторонники положительного права по прежнему стремятся к государственному абсолютизму, который сосредотачивает все рычаги законотворчества и управлению в руках правительства, а сторонники естественного права – к народному суверенитету, который сосредотачивает законотворчество и управление в руках самого народа. В первом случае речь идет о господстве и подчинении, о «властвующих и подвластных», а во втором случае о самоуправлении народа, о демократии или народоправстве.

Понятно, что логическим развитием теории естественного права будет научное управление в обществе или научный суверенитет. Народ не может быть юридическим понятием, но этическим и психологическим, как выражение закономерностей общей человеческой природы. Эти закономерности и определяют и понятие «народа» и «общей воли» и народного суверенитета, как верховенства права. Научное управление обществом базируется на образовательной системе и уровне развития науки. Понятно, что на пути долгого прогресса разума, с такой проницательностью описанного в историческом эскизе Кондорсе, прибегать к юридизму, к законам, вводимым договором и силовыми институтами посредством парламентаризма и народного представительства, необходимо. Но важно при этом помнить, что конечной целью естественного права остается научное управление. Поэтому не столько важно разделение законодательной и исполнительной власти для гарантии демократии, сколько разделение научного и юридического управления в обществе. Последнее значит свободу науки от государственного вмешательства и участие научных институтов в законодательной деятельности своих стран, а также функционирование международного сообщества научного контроля, поскольку наука не может быть национальной и всегда обнимает все человечество.

Однако сегодня эти очевидные выводы и очевидное значение объективной социальной науки сокрыты под толстым покровом обскурантизма и софистики современной философии субъективизма.

Часть первая.

Дух

Глава 1. Теория психической энергии и картезианский переворот в социальных науках

1. Гуманистическая философия

2. Критическая и диалектическая философия

3. Две субстанции Декарта и основной инстинкт материалистов

«Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении, или же власть явилась сначала, и потом уже установился закон – для народа, который находится под владичеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие государству опасности рассуждения. Закон, который столь священен, что было бы преступлением хотя бы на мгновение подвергать его сомнению, представляется как бы исходящим не от людей, а от высшего законодателя. Таково именно значение положения: «Всякая власть происходит от Бога». Оно выражает не историческую основу государственного устройства, а идею или практический принцип разума, который гласит: «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение».

«Элементы учения Гоббса вновь вторгаются в эту политическую систему. Требование народовластия сменяется девизом английского абсолютиста. Очевидно, это уже нечто большее, чем принцип суверенитета, ибо и простые рассуждения по поводу власти отвергаются как бесцельные и опасные умствования. Этот результат не вполне сходится с тем другим требованием, которое шло из глубины нравственного сознания. Там требовалась свобода, автономия воли, царство лиц как целей; теперь нам говорят о безусловном подчинении и священном характере власти. Но такова уж была доктрина, соединившая в себе самые разные мотивы – этические и практические, либеральные и консервативные. Не без основания сравнивают ее с головой Януса, глядящей в разные стороны».

«В самом деле, все, что я смог уяснить потом, сводится к этой основополагающей абсурдности. Абсурдность – еще одно слово, а со словами я борюсь: там же я прикоснулся к самой вещи. Но теперь я хочу запечатлеть абсолютный характер этой абсурдности.

Я свободен: в моей жизни нет больше никакого смысла – все то, ради чего я пробовал жить, рухнуло, а ничего другого я придумать не могу. Я еще молод, у меня достаточно сил, чтобы начать сначала. Но что начать? Только теперь я понял, как надеялся в разгар моих страхов, приступов тошноты, что меня спасет Анни. Мое прошлое умерло, маркиз де Рольбон умер, Анни вернулась только для того, чтобы отнять у меня всякую надежду. Я один

на этой белой, окаймленной садами улице. Один – и свободен. Но эта свобода слегка напоминает смерть»

Сартр Тошнота

«Единственный выход из этого порочного круга, по Шопенгауэру, не измышлять какие то общие принципы и нормы нравственного поведения, а проникнуться идеей всеобщего и неустранимого страдания. Для человека прошедшего через очистительное горнило страданий (не столько личного сколько однажды открывшегося ему вселенского страдания), важно уже не его настоящее, не забота о счастье и благополучии, не сама жизнь, наконец, а отрицание к самой воли к жизни как таковой, проявлением и утверждением которой и являются все человеческие заботы и цели. Истинно нравственная жизнь рисуется Шопенгауэром как отрешение от мира, как постоянное и свободное отрицание в себе воли к жизни»

Кузьмина Т. Проблема субъекта в современной буржуазной философии

«О Заратустра, я устал, противны мне искусства мои, я не велик, для чего притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо, – я искал величия! Великого человека хотел я представлять и убедил в этом многих; но эта ложь была свыше сил моих. Об нее разбиваюсь я.

О Заратустра, все ложь во мне; но что я разбиваюсь – это правда во мне!»

Нищие Так говорил Заратустра

«Еще в „Науке логики“ Гегель определил свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом примере тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы – рабство; злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию деспотической прусской монархии он выдает за реализацию принципа свободы»

А. Гулыга Гегель

«Однако сразу после этого я отметил следующее: пока я произвольно считал все вокруг ложным, неизбежно получалось, что сам я, мысливший таким образом, являюсь чем-то. И, увидев, что это истина, – я мыслю, а значит, я существую, – столь тверда и несомненна, что никакие даже самые хитроумные, предположения скептиков не в состоянии ее пошатнуть, я рассудил, что могу без колебаний принять ее в качестве первого основания искомой философии. Отсюда я заключил, что являюсь субстанцией, вся сущность или природа которой заключена в мышлении, так что для существования ей не требуется никакого места и она вообще не зависит ни от какой материальной вещи, а следовательно, мое „я“, то есть мыслящая душа, которая и делает меня тем, чем я являюсь, совершенно отлична от тела; более того, ее легче познать, чем тело и даже если бы этого последнего не существовало, душа все равно продолжала бы оставаться всем тем, что она собой представляет»

Декарт Р. Рассуждения о методе

«Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав

различные слова, передать речью мысль, доступную понимания собеседника; и наоборот нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучшие животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно как мало ума требуется, чтобы научиться говорить»

Декарт Р. Рассуждения о методе

1. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СИЛА ДУХА

Есть три характерных для гуманистической философии положения, которые мы можем наблюдать в равной степени у Платона, Декарта и Спинозы:

1) Мир познаваем, внешний мир объективен и существует независимо от воли и сознания человека

2) Интеллект одинаково присущ как человеку, так и внешнему миру и представляет собой разные части единой субстанции; этот интеллект постоянен и неизменен

3) Интеллект представлен активным и пассивным началом:

– У Платона это Ум и Истина, на которые распадается Благо (интеллект)

– У Декарта – это Мышление и законы природы протяженного мира, субстанции духа и материи, на которые распадается субстанции Бога, породившая общие для обоих миров законы природы

– У Спинозы – это активный разум, составляющий часть души и вся остальная субстанция природы, которые относятся друг к другу как часть к целому

Как мы увидим, эти три положения очень важны для определения разумной энергии психики. Собственно, эта философия и положила начало изучению этой энергии. «Мыслю, следовательно, существую» Декарта вполне можно было бы взять за краткое определение разумной энергии человека.

Если нам даны законы природы с одной стороны, способность к мышлению (то есть познанию этих законов) с другой стороны, то энергия человека будет состоять в способность познавать эти законы и контролировать их. Мы уже знаем, что контроль законов природы открывает доступ к природным энергиям (механической, электрической, биологической, атомной и тп). Поэтому мы называли эту энергию контрольной энергией, чтобы отличать ее от всего прочего физического мира представленного детерминированными энергиями природы. Безусловно разумная энергия человека также детерминирована законами природы, но в отличие от всех прочих энергий она способна к познанию этих законов (в том числе законов своей собственной природы). Вот почему разумная энергия человека одновременно и детерминированная и контрольная энергия, а электрическая энергия, к примеру, – всего лишь детерминированная.

Мы можем видеть, что понимание Духа как контрольной энергии психики, способной к познанию законов природы и контролю открытых, уже познанных энергий возможно только при данной интерпретации интеллекта, отношений физического и духовного миров. В этом случае Дух – это сила разума, которая растет и развивается по мере познания законов природы.

Схематически эту силу разума можно представить как силовое поле, образованное противоположными полюсами интеллекта: активным (мышлением) и пассивным (законами природы). А любовь к познанию, потребность в познании, которую испытывает любой здоровый

человек как «силу притяжения», эмоции психики, образующие тот самый поток психической энергии, который мы изучаем. Контрольную энергию психики. Это силовое поле, образуемое законом сохранения силы психики, полюса которого определяют всю специфику психики здоровых (!) людей. А именно удовольствие познания, сочувствия, справедливости с одной стороны и боль от недостатка знаний и неспособности получить их, несправедливость и сострадание с другой. То, что гуманистическая психология называет полем совести. Но главное – это Свобода доступа к природным энергиям с одной стороны и свобода оставаться самим собой с другой стороны. То, что Спиноза столь проницательно определили как «осознанную необходимость», то есть познание и контроль законов природы.

2. КРИТИЧЕСКАЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И КОНЕЦ СИЛЫ ДУХА

Напротив, критическая философия Канта и все последовавшие школы субъективизма и антиинтеллектуализма (Шопенгауэр, Ницше, Сартр) исходят из противоположных положений:

1) Мир непознаваем; мы не можем знать мир «вещей в себе», сущее скрыто, а то, что нам является – есть проекция нашего сознания.

2) Разум – это субъективное свойство человека, чуждое миру «вещей в себе». Познание – это игра разума с самим собой, самопознание, применение готовых априори к явлениям, не имеющая ничего общего с познанием реального мира

3) Разум абсолютно свободен в моральной сфере самостоятельно устанавливать себе законы поведения, никак не согласовывая их с опытом

Казалось бы, вместо ограниченной силы Контроля неизменных объективных законов природы мы получили абсолютную свободу разума делать все, что ему заблагорассудится. «Дух», если он вообще существует, должен был стать значительно сильнее, а он бесконечно ослаб. Вот, например какой оказалась «абсолютная свобода» индивидов Канта на практике:

П. И. Новгородцев пишет по этому поводу, цитируя Канта:

«Тошнота» Сартра – другой яркий пример разложения Духа, сила которого в интеллекте и познании: «Я был свободен», пишет Сартр, но эта свобода напоминала смерть».

Философия Шопенгауэра сводится к выводу о необходимости отказа от воли к жизни, чем достигается конец буддийской жизни-страдания.

Заратустра Ницше – исповедь «разбитой души» «самого безобразного человека» «убившего Бога».

Казалось бы, философия Гегеля, признав объективность внешнего мира и действительность познания, должна была бы вновь утвердить и силу Духа. Однако, и объективность мира и действительность познания оказываются фиктивными в диалектической философии в силу того факта, что понятие физического мира подменяется дубликатом человеческого сознания, представляющим собой «инобытие разума». Нет объективных неизменных законов природы, есть только мышление, которое творит самое себя и весь мир и находится в постоянном процессе изменения и становления. В итоге, субъективизм Канта оказывается непреодоленным и Дух Гегеля оказывается такой же «мастурбирующей» ментальностью, определяемым самим собой, как и критический разум Канта.

Гегель облачившись в еще более пафосные одеяния свободы и объявив целью движения «Духа» – прогресс в свободе, предьявляет в конечном итоге философию фашиствующего рабства или рабского фашизма. Свобода превращается в неуловимую абстракцию придуманного надчеловеческого духа, а конкретные индивиды объявляются средствами для этого духа в ведении войн и управлении государствами. Причем собственная мотивация индивидов только иллюзия, «хитрость разума», которая ведет индивидов к своей цели, известной только ему самому (а он еще нападал на «кантовскую «вещь в себе»»). Дух приравнен к государству,

государство к свободе, так что и дух и свобода есть у государства, но ничего похожего нет у обычных людей.

Неудивительно, что когда Маркс назвал его Дух – Материей, но сохранил диалектический метод, ничего не изменилось в философии Гегеля, принципиальное существо которой именно в этом методе. Теперь вместо духа появились классы, вместо государства диктатура пролетариата, которая также была объявлена прогрессом в свободе. И опять конкретные индивиды оказались только отражением борьбы классов и рабами диктатуры пролетариата. А диалектическое познание Маркса по степени бредовости ничуть не уступало диалектике Разума-абсолюта Гегеля.

Вот почему Гегель, которому так понравилось Спинозовское определение свободы как осознанной необходимости, превратил это определение в фарс.

В итоге, как критическая философия Канта, так и диалектическая логика Гегеля уничтожили понятие о духе, как разумной человеческой энергии, сила которой в познании объективных законов природы.

3. ДВЕ СУБСТАНЦИИ ДЕКАРТА И ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ МАТЕРИАЛИСТОВ

Деление вселенной на контрольную энергию разума (Дух) и все прочие детерминированные энергии природы (материя) почти в точности соответствует картезианскому определению двух субстанций: мыслящей и протяженной.

Из этого мы заключаем, что то, что Декарт называл независимым существованием разума и тела в человеке, на самом деле есть два вида природной энергии: психическая энергия (дух, разум) и биологическая энергия (материя, тело). Это не значит, что психическая энергия лишена материи, и Декарт признавал, что чувства и воображение являются модусами его мыслящей субстанции. Но Декарт не относил чувства к материи, так как они не были протяженными, нам же со времен открытий силовых полей физики известно, что не вся материя является протяженной. Чувства, а именно любознательность и совесть составляют то самое силовое поле контрольной энергии разума, которое является его материей. Отличие разумной энергии от других энергий природы состоит не в ее нематериальности, а в ее способности к познанию и контролю законов природы, в том числе познанию и контролю законов своей собственной энергии (психической).

Даже с этими поправками теория психической энергии производит картезианский переворот в современной социальной науке, привыкшей трактовать человека как «разумное животное», обобщая вслед за Дарвином человека и животное в «единое царство» биологии. С дарвиновской точки зрения разум трактуется как слуга на службе потребностей биологии, как дополнительный орган, помогающий удовлетворять голод, пищевой и половой.

С картезианской точки зрения целью разума является истина сама по себе, в то время как целью животного является удовлетворение биологических потребностей. Соответственно, «человек – это ум, которому служат органы» согласно выражению другого француза. Как можно видеть, понимание человека в корне меняется, так что теперь не разум состоит на службе у тела, а напротив, тело обслуживает нужды разума в поисках истины. Сам Декарт, хотя и жил задолго до Дарвина, хорошо был знаком с философией «разумного животного» и энергично ей возражал:

Со своей стороны хотелось бы добавить, что не существует и никогда не существовало животных, способных к научному мышлению, которое составляет сущность контрольной энергии человека, его разума.

Разумеется, речь не идет о механистическом подходе в трактовке животного, которую практиковал Декарт. Уже Оствальд отделил биологическую энергию от прочих детерминированных энергии на основе особенности в законе сохранения силы – как самосохранения.

Поэтому хотя трактовка Декарта животных как роботов и машин кажется нам ложной, его четкое разделение уровней психики и биологии абсолютно справедливо.

Этот картезианский переворот в философии человека влечет к следующим основным положениям:

1. Не жизнь, не биологическое выживание является первой и фундаментальной целью и ценностью существования человека, а разум, истина и поле совести психической энергии человека.

2. Не половой инстинкт как у Фрейда и не экономическое производство как у Маркса являются «основным инстинктом» и центром активности человека. Его первейший, базовый фундаментальный инстинкт состоит в потребности знания, сотрудничества в поисках этого знания с другими людьми и сострадания (совести).

3. Не экономические и не политические институты общества являются ведущими и определяющими в строении данной социальной структуры, но институты науки и образования. И уже от того, насколько успешно образование и наука в обществе будут зависеть успешность и эффективность всех прочих институтов.

4. Научная парадигма, согласно которой разум является инструментом обслуживающим биологическое выживание человека, породила лженауку, которая не только стала источником ложной информации и заблуждений, но также оказалась тормозом на пути развития реальной науки и нахождения истины. Одними из самых вопиющих заблуждений, порожденных неправильным пониманием природы разумного в человека стали доктрина научного «эгоизма» и развитии философии субъективизма, отрицания общей истины и общей человеческой природы.

5. Следствие ложной научной парадигмы стала ложная «медицинская» дисциплина – психиатрия, которая стремится объяснять особенности и характеристики психики, и в особенности ее патологию из закономерностей мозга. Понятно, что картезианский подход полностью опровергает возможность понимать и тем более воздействовать на психику через посредство мозга.

Познание и контроль психики – это познание и контроль закономерностей силовых полей психики.

Глава 2. Социология Конта и иерархия наук

1. Социальная физика

2. Эмпиризм

3. Иерархия наук

«Конт утверждал в качестве очевидной истины (впрочем, теперь неопровержимой), что психическая жизнь индивида подчинена необходимым законам. С этой точки зрения общества переставали выступать как нечто вроде бесконечно податливой и пластичной материи, которую люди могут, так сказать, лепить по своей воле; с этих пор в них нужно было видеть реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляющим ими законам. Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной. Эта чисто умозрительная наука есть социология. Чтобы лучше показать ее связь с другими позитивными науками, Конт часто называет ее социальной физикой. Иногда утверждалось, что эта точка зрения включает в себе нечто вроде фатализма. Если сеть социальных фактов столь крепка и прочна, то не следует ли отсюда, что люди неспособны ее изменить и, стало быть, не могут воздействовать на свою историю? Но пример того, что произошло в изучении других сфер природы, показывает, насколько этот упрек необоснован. Наоборот, как много изменений мы произвели во вселенной, с тех пор как сформировались позитивные науки (а они сформировались на основе постулата детерминизма). Точно так же будет и с социальным миром. Еще совсем недавно продолжали думать, что все в нем произвольно, случайно, что законодатели или государи могут, подобно алхимикам былых времен, по своему желанию изменять облик обществ, переводить их из одного типа в другой. В действительности эти мнимые чудеса были иллюзией. Наоборот, именно социология, открывая законы социальной реальности, позволит нам более обдуманно, чем ранее, управлять исторической эволюцией, так как мы можем изменять природу, как физическую, так и моральную, только сообразуясь с ее законами»

Дюркгейм Значение социологии

«Оно позволяет непосредственно признать за главный центр позитивного синтеза раскрытие истинной теории человеческой эволюции, одновременно индивидуальной и коллективной. Ибо всякая решительная разработка этой конечной цели тотчас пополняет общее понятие о естественном порядке и необходимо возводит его в основной догмат всеобщей систематизации, постепенно подготовляемым всем умственным движением современных народов. Благодаря непосредственному содействию научных трудов, появившихся за последние три века, в этом отношении остался серьезный пробел только касательно явлений моральных и в особенности социальных. Доказав существование непреложных законов также относительно этих двух классов явлений, путем предварительной систематизации всего прошлого человечества, современный ум завершил свое

трудное предприятие и поднявшись на единственную точку зрения, откуда можно все обнять взором, построит свой окончательный образ мыслей»

О. Конт Общий обзор позитивизма

«Духовный фактор главенствует в социальной динамике точно также, как он главенствовал в социальной статике. И там, и там, изменения в духовной сфере сопровождаются изменениями во всех остальных областях общественной жизни, так что все духовное – социально, являясь социальным в самом широком смысле слова.

Основной закон социальной динамики (он же «закон прогресса») заключается, следовательно, в том, что каждый подъем, каждый толчок духа вызывает – в силу универсального консенсуса – соответствующий отклик во всех без исключения общественных областях – искусстве, политике, индустрии. И везде дух играет руководящую роль, образуя силовой центр социальной революции.

В этом состоит интеллектуалистский принцип философии истории Конта, согласно которому философское мировоззрение каждого данного исторического этапа выступает как основной фактор генезиса и последующего развития социальных явлений»

Ковалев А. Д.

История теоретической социологии

«На первой стадии религиозно-теологический ряд доминирует над государственно-политическим. На второй наоборот – государственно-политическая (государственно-правовая, метафизически-юридическая) сфера определяет судьбу всех остальных – от техники и науки до этики и искусства; но прежде всего судьбу теологии и религиозного знания в целом. Наконец на третьей стадии, согласно гипотезе Конта, должно утвердиться господство позитивной, то есть „подлинно научной“, философии над всеми остальными сферами социальной жизни»

Ковалев А.Д

История теоретической социологии

«Психологи, опирающиеся на эту объективистскую, накопительную, лишенную ценностей, нейтральную модель науки,

которая подобно строящим коралловый риф моллюскам пытается слепить частные факты о том и о сем в нечто целое, эти психологи не то чтобы неправы, а скорее просто банальны в своем мышлении.»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

«Полный упадок понятия души и частичный упадок Я произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, – короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подозрительны, Я выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдаст слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии Я престижа не извлечешь».

Гордон Олпорт

«Отдавая предпочтение видимому, внешнему, позитивизм (операционализм) утверждает, что методики эксперимента и измерения должны быть специфицированы в определении каждого понятия. Идеалом этого строгого требования является построение психологии в одну шеренгу с физикой и математикой и достижение, таким образом, единства науки. Позитивизм стремится свести абстрактные понятия к данным наблюдения или к процессу наблюдения как таковому. Несмотря на то, что словесный отчет с неохотой признается операцией, допустимой в определенных условиях, скудость результатов, вытекающая из применения операциональных критериев, тормозит исследование сознания как такового и личности как сложной структуры, так как в этих областях можно выполнить, повторить и зафиксировать извне относительно немногие конкретные операции. Именно из-за этого многие психологи не проявляют интереса к экзистенциальному богатству человеческой жизни. Они говорят, что у них нет методов. Точнее, имеющиеся методы ущербны с точки зрения строгих требований, лежащих в основе современного позитивизма. Стремясь соревноваться с „настоящими“ науками, психологи поддаются искушению работать только над теми проблемами и лишь с теми объектами, которые отвечают принятым критериям. По этой причине зоопсихология и математическая психология оказались высокоразвитыми. Позитивистский идеал настолько доминирует, что другие области психологии воспринимаются как не вполне серьезные».

Гордон Олпорт

«Человечество предназначено к тому, чтобы разрешить великую проблему человеческой жизни, а именно обеспечить преобладание альтруизма над эгоизмом; такая задача может быть решена в действительности: назначение наше постоянно влечет нас к осуществлению вышеуказанного преобладания; его реализация никогда не будет достигнута, но служит наилучшим мерилom постоянного прогресса человечества»

Конт Система позитивной политики

«Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомиться с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.

1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)

2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)

3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)

4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)

5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)

6. Социология (наука о человеке и обществе)

Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивную – было главной задачей Конта, и он думал, что исполнил эту задачу»

Дж. Ст. Милль Огюст Конт и позитивизм

«Соответственно этому было сделано предположение, что атомы неразрушимы и что все изменения в физическом мире состоят просто в перераспределении неизменных атомов. Этот взгляд господствовал до открытия радиоактивности, когда было обнаружено, что атомы способны разлагаться. Нимало не смутившись, физики изобрели новые и более мелкие единицы, названные электронами и протонами, из которых состоят атомы. В течение нескольких лет предполагалось, что эти частицы обладают той неразрушимостью, которая ранее приписывалась только атомам. Но, к несчастью, оказалось, что протоны и электроны могут сталкиваться и взрываться, образуя не новую материю, но волну энергии, распространяющуюся во Вселенной со скоростью света. Энергия должна была заменить материю в качестве некоего вечного начала»

Бертран Рассел История западной философии

«Живая клетка состоит исключительно из атомов углерода, азота и т. д., которые изучают физико-химические науки. Однако, хотя в клетке имеются только минеральные вещества, последние, комбинируясь определенным образом, порождают свойства, которых у них нет, когда они так не скомбинированы, и которые характерны для жизни (способности питаться и размножаться); они образуют, стало быть, благодаря факту их синтеза, реальность совершенно нового рода, реальность жизни, которая составляет объект биологии»

Дюркгейм Значение социологии

«Мы видели, что закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно – мышлением, связанным с наблюдением. Этот идеализированный эксперимент никогда нельзя выполнить в действительности, хотя он ведет к глубокому пониманию действительных экспериментов». Эйнштейн и Инфельд *Эволюция физики*

«Кому понятие кажется висящим в воздухе идеальным образованием, которому не соответствует ничего действительного, тому следует принять в соображение следующее. Как самостоятельные физические „вещи“ абстрактные понятия, конечно не существуют....Руководящая роль абстракции в научном исследовании очевидна. Абстракция поэтому есть метод отыскания принципов....выставленные Ньютоном в его „Принципах“ законы движения представляют собой вообще превосходные примеры открытия при помощи абстракции....Гениальный интеллект именно тем и отличается от нормального, что он быстро и точно предвидит успех

интеллектуального средства. Эта черта обща всем великим исследователям, художникам, изобретателям, организаторам и тп».

Эрнст Мах

«Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относиться к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии. Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человеке из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Джс. Ст. Милль Огюст Конт и позитивизм

«Биологи, в свою очередь заслуживают тех же упреков, когда они, например, претендуют все объяснить в социологии чисто второстепенными влияниями климата и расы, ибо они не считаются при этом с основными законами, которые могут быть раскрыты только с помощью исторических индукций. Энергичное наступление материализма, облеченного в глазах современных мыслящих людей в некоторый прогрессивный характер, благодаря его долгой связи с справедливым возмущением человечества против мирозерцания, ставшего ретроградным. Мы убедились таким образом, что позитивизм глубоко противоположен материализму не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначению»

О. Конт Общий обзор позитивизма

«Самый воск составлен из протяженности, гибкости и движения, которые понимаются умом, а не воображением. Вещь, которая является воском, сама по себе не может быть чувственно-воспринимаемой, так как она равно включена во все явления воска данным различным органам чувств. Восприятие воска „не составляет ни зрения, ни осязания, ни представления...»

но составляет только усмотрение умом“. Я вижу воск не больше, чем я вижу людей на улице, когда я вижу шляпы и пальто. „Благодаря одной только способности суждения, находящейся в моем духе, я понимаю то, что мне казалось, будто бы я вижу глазами“. Познание внешних вещей должно осуществляться умом, а не чувствами»

Бертран Рассел История западной философии

«Что значит благо для мыслимого по отношению к уму и умопостижимому, то же значит и солнце для видимого по отношению к зрению и к зримому. Итак, помысли, что есть два предмета и один из них царствует над родом и местом мыслимым, а другой над видимым»

Платон Государство

1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА

Дюркгейм довольно точно сформулировал, в чем состояла заслуга Конта как основателя социологии. То, что детерминистами древности формулируется еще только как общая философия об общих законах человеческой природы, Конт постулирует в качестве естественной науки об обществе.

Открыть законы природы, управляющие законами общества – такова цель его научных изысканий. Он признает человека и общество неотъемлемой частью природы и встраивает социологию естественнонаучный ряд его иерархии наук. Он пишет о «социальной физике», которая позволит открыть общие закономерности человеческой природы.

Результатами его социологических изысканий стали несколько основных положений:

– Эволюция человечества качественно отличается от эволюции животного мира и представляет собой эволюцию мышления. Последняя представлена тремя стадиями: мистической, метафизической и научной (позитивистской).

«Хотя, – оговаривается Конт, – наш слабый ум при этом несомненно и необходимо нуждается в первом толчке и постоянном возбудителе, что производится желаниями, страстями и чувствами, все же он является для них необходимым руководителем, который всегда должен был направлять весь человеческий прогресс. Лишь таким путем и благодаря все более ярко выраженному влиянию ума на общее поведение людей и общества, последовательный ход развития человечества мог, действительно, приобрести эти характерные черты прочной закономерности и длительной устойчивости, которые так глубоко отличают человеческий род от смутного, несвязанного и бесплодного развития высших пород животных»

– Учреждения общества напрямую зависят от стадии эволюции сознания и определяются ими:

– Становление социологии говорит о приближении позитивистской стадии в развитии общества, управление которым будет осуществлять наука. И соответственно о промежуточном характере юридического управления.

Несмотря на то, что Конт совершает общую его времени ошибку (за исключением может быть Леви-Брюля, четко указывавшего на качественное различие этих двух состояний сознания и Кондорсе, писавшего об истории как противоборстве разума и мистики), располагая мистику первобытного мышления и позитивизм научного мышления в один количественный ряд, так словно бы одно развилось из другого, эти его доктрины оказали большое положительное воздействие на развитие науки об обществе. Что касается последнего пункта о противопоставлении юридического и научного управления – то Конт, если не считать Прудона, был чуть ли не единственным мыслителем который так четко поставил и сформулировал проблему.

Тем не менее, как мы увидим ниже, в своей основной цели, которую он ставил – развитие наук о духе – он не продвинулся нисколько или в лучшем случае сделал несколько карликовых шагов.

2. ЭМПИРИЗМ

Между тем влияние позитивизма на психологию было столь нехорошо, что Гордон Олпорт, выдающийся психолог 20 века, вынужден был констатировать, что психология стала дисциплиной без реального объекта исследования, из нее выпало сознание человека, его личность, его «Я»:

Это связано с воинствующим эмпиризмом позитивистской теории Конта, которая объявила своим лозунгом «очищение наук от метафизики». При этом под метафизикой понимались любые исследовательские методы, отличающиеся от эмпирической концепции обобщения чувственного опыта.

Разумеется, Конт был прав, когда говорил о вредном влиянии метафизики. Мы могли ясно наблюдать это на примере критической философии Канта или диалектической философии Гегеля. Однако, в данном случае эти теории не соответствуют научному критерию не потому, что знания представленные ими не были получены индуктивным путем. А потому, что у них в принципе нет связи с реальностью. Это формальная логика, оторванная от действительности, при чем авторы прямо заявляли об этом разрыве. Однако, если бы диалектика Гегеля представила систему законов природы посредством которой можно было бы контролировать какую то конкретную природную энергию, скажем психическую, она оказалась абсолютно научной теорией, необходимо и достаточно удовлетворяющей условиям связи теории с практикой.

Эмпиризм Конта дает только негативное определение метафизики – это все то, что не есть обобщение чувственного опыта. Даже если вы подобно Максвеллу, записавшему уравнения электромагнитных волн, сможете впоследствии доказать их истинность контролем энергии электромагнитных волн на практике – вы все равно метафизическое ничтожество, не имеющее отношения к науке.

В этой связи Дух, то есть психическая энергия, которую уже начали изучать Платон, Декарт и Спиноза, полностью исчезает из научной картины Конта. Об этом с горьким сожалением напишет один из самых его восторженных последователей, Джон Милль. Об этом говорят метры современной психологии.

Платон, Декарт и Спиноза сумели рассмотреть закономерности психики как двух антагонистичных энергий: связь здоровой энергии с интеллектом, патологии с невежеством. Сегодня их прозрения углублены и исследуются в гуманистической психологии. У Конта Дух и сознание исчезают из поля зрения, а его современные последователи больше интересуются зоопсихологией и бихевиоризмом. Более того, он вообще исключил психологию из своей иерархии наук, заменив ее на социологию. Впрочем, позже он был вынужден добавить этику.

В конечном итоге и Конт не преодолел общей для всех социологов ошибки социального реализма и гипостазировал общество в некое Верховное Существо, представляющее весь людской род. В отношении к этому Верховному существу реальные люди, конкретные индивиды оказывались только средствами в достижении его целей.

Тем не менее, в своих спонтанных прозрениях Конт писал о психических закономерностях, движущих общество, интуитивно разглядев две энергии психики, о которых пишут гуманистическая философия и психология.

Однако, эти интуитивные прозрения были мало полезны, так как трактовали альтруизм как принесение в жертву индивидов Верховному существу человеческого рода.

3. ИЕРАРХИЯ НАУК

Джон Милль писал с большим восторгом о «Курсе позитивной философии» Конта и в частности о его иерархии наук (в отличии от «Системы позитивной политики»). Он гово-

рит, что до сих пор никому не удалось опровергнуть Конта или предложить лучшую их систематизацию.

Иерархия наук Конта по существу является разрешением знаменитого спора между энергетиками (Оствальд) и атомистами (Больцман) в физике. Разумеется, энергетики были неправы, отказываясь признавать атомно-молекулярную теорию. Об этом писали все от Планка и Эйнштейна до Ленина. Но и атомисты были неправы, утверждая, что мир в науке будет представлен только атомистической картиной. Мир, взятый в разрезе физики, всегда будет атомистическим, и даже разложение атома на взрыв также часть атомистической концепции энергии.

Но, как мы можем видеть из иерархии наук Конта, есть разные уровни постижения вселенной. Мир на уровне биологии, хоть и включает в себя физику, но уже определяется совершенно другими законами.

А мир на уровне астрономии, то есть механистическую картину мира, можно представить вообще без знания атомно-молекулярной теории. И тем не менее, мы будем иметь знание о механической энергии.

Получается, что каждый отдельный уровень этой иерархии наук, являясь достаточным знанием для понимания и контроля определенной сферы мира, представляет знание о различных природных энергиях. Механическая, физические, химическая, биологическая. И это нисколько не ущемляет атомно-молекулярную теорию, потому что в нашем определении энергия — это система законов природы, открывающая доступ к контролю природных сил. В том числе и законов атомно-молекулярного строения мира.

В интерпретации Оствальда энергия имела совершенно другое определение. Он понимал энергию как материю, превращения которой согласно закону сохранения энергии можно количественно посчитать. Эти измерения превращений энергии он и предлагал в качестве «эвристического универсального метода», который должен заменить все наши прочие знания о мире, в том числе атомно-молекулярную теорию. Поэтому Ленин (и др были согласны с ним), называл его «старым материалистом», «крупным химиком, но мелким философом».

Энергия как системы законов природы не имеет ничего общего с материализмом и эмпиризмом, выражая фундаментальный принцип рационализма о постижении мира разумом. Законы природы, в данном случае, — это идеи, которые составляют форму материального мира.

Вот что говорят Эйнштейн и Мах, противопоставляя рационализм эмпиризму:

Лейбниц, будучи рационалистом, оправдывался, что все рационалисты «на три четверти эмпирики», разумея под этим, что для того чтобы найти «идеи» природы, то есть ее законы, приходится переработать массу опытного материала. Однако, тот факт что законы природы открываются в ходе «критической» переработки фактов, не предполагает эмпиризма ни в какой степени. Эмпиризм вообще отрицает существование законов природы и истины, понимая под наукой описание чувственного опыта и поиск некоторых относительных регулярностей. Рационализм тем принципиально отличается от эмпиризма, что признает наличие законов природы и истины, постичь которые можно только через анализ чувственного опыта, поскольку законы природы только форма материи.

В этом смысле определение природных энергий как системы законов природы — это победа рационализма над эмпиризмом, в том числе над эмпиризмом Оствальда.

В то же время сохраняется его концепция о том, что научная картина мира будет представлена совокупностью различных природных энергий, но только не как некоего единого количества перетекающего в разные формы на основе закона сохранения энергии, а как различных уровней законов природы, открывающих доступ к различным ее силам. Первое определение материалистическое, второе — рационалистическое.

Таким образом, иерархия наук Конта опровергает его собственный эмпиризм и примиряет энергетику Оствальда с атомистикой Больцмана. Однако, понятно что вслед за биологией

не могут идти социология и этика на основе внутренней логики этой иерархии, но только теория психической энергии.

Таким законом, способным служить связующей цепью в классификации наук, может служить физический и интеллектуальный контроль закона сохранения силы психики, образующий два антагонистичных силовых поля психики. Этот закон подтверждается огромным числом опытного материала из психологии, психиатрии, истории, биографий известных людей, и в то же время четко отделяет уровни биологических и психических закономерности в природе человека. Сам Конт жаловался, что материализм стремится объяснить всю природу человека, исходя из биологии, редуцируя его тем самым к животному.

С точки зрения научного метода это доказательство ложности эмпиризма, как проверенного опытом знания. Для эмпиризма мышление это продолжение процесса чувственного восприятия, обобщающее факты. В таком интеллектуальном акте не может быть ничего кроме описания опыта чувственного восприятия.

Интеллект видит законы, перерабатывая чувственный опыт, а законы выражены только в интеллектуальной форме. Поэтому Декарт писал, что любое конечное знание по форме математическое.

Рационализм постулирует два уровня восприятия – чувственный и интеллектуальный, где мышление это своего рода особый орган восприятия действительности, способный видеть в ней законы природы, нечто недоступное органам чувств.

Вот как говорит об этом Декарт:

Платон, так же как и Декарт четко разделяет уровни чувственного восприятия и интеллектуального (познание):

Да, для познания необходим анализ данных чувственного восприятия, но одного этого анализа недостаточно. Интеллектуальное зрение – это особый процесс, который имеет место в пространстве «мыслимого»: активного и пассивного интеллекта, мышления и законов природы. Проверка же истинности полученных интеллектом знаний осуществляется обратной связью с практикой, наличием контроля открытой природной энергии.

Глава 3. Кант и его коперников переворот в философии духа

1. Коперниковый переворот Канта

2. Абсолютная свобода практического разума

«Рассудок не черпает свои законы из природы, а предписывает ей».

И. Кант

«Идея разума, для которой может быть нет никакого примера в опыте!»

И. Кант

«Рассудок не черпает свои законы из природы, а предписывает ей». Фраза Канта нуждается в комментариях. Неправильно истолковав ее, мы можем не понять главного в гносеологии Канта – идеи активности сознания. Именно в ней философ видел свою основную заслугу. Он даже сравнивал себя с Коперником, считая, что перевернул положение дел в философии не менее кардинальным образом: раньше считалось, что наши знания должны соотноситься с предметами. Кант исходит из того, что предметы должны соотноситься с нашим познанием»

А. Гулыга Кант

«Когда Кант говорит „предмет познания“ (и даже „природа“), он имеет в виду не вещи сами по себе, а явления, то есть ту часть действительности, которая вступает во взаимодействие с нашим познанием. И эта часть действительности – тут уж никуда не денешься – соотносится с действиями, которые мы осуществляем в меру нашего разумения, включена в систему нашего разумно организованного опыта. Маркс ценил немецкую классическую философию (родоначальником которой был Кант) за акцентирование деятельной стороны познания. Сознание не только отражает мир, но и творит его – для материалиста-диалектика это аксиома. Истоки ее у Канта»

А. Гулыга Кант

«Учение Канта об активности сознания помогло приподнять завесу над одним из самых загадочных процессов – образованием понятий. Великие умы, предшественники героя этой книги, заходили в тупик, пытаясь решить эту проблему. Сенсуалисты настаивали на индукции, опытным «наведении» на некие всеобщие признаки и принципы. А как при помощи индукции, абстрагирования общих признаков объяснить изобретение, создание умственной конструкции чего-то нового, ранее не существовавшего – машины или научной теории?»

Рационалисты шли другим путем. Они усматривали строгое, не зависящее от человека соответствие между порядком идей и порядком вещей. Мышление они считали неким «духовным автоматом» (выражение Спинозы), который штампует истину, работая по заранее заданной, «предустановленной» (выражение Лейбница) программе»

– пишет Гулыга в биографии Канта

«Кант, подобно Копернику, решительно порывает с предшествующей традицией. Он видит в человеческом интеллекте заранее возведенную конструкцию – категории, но это еще не само научное знание, это только его возможность, такую же возможность представляют собой и опытные данные – своего рода кирпичи, которые нужно уложить в ячейки конструкции. Чтобы выросло здание, требуется активный участник строительства, и Кант называет его имя – продуктивное воображение. До Канта воображение считалось прерогативой поэтов. Сухой педант из Кенигсберга увидел поэтическое начало в науке, в акте образования понятий. Человек, живший как автомат, отверг наименование автомата за интеллектом человека. Интеллект, по Канту, – свободный художник»

А. Гулыга Кант

«Речь идет о том, что опытные данные, поступающие извне, не дают нам адекватного знания об окружающем нас мире. Априорные формы обеспечивают всеобщность знания, но не делают его копией вещи. То, чем вещь является для нас (феномен), и то, что она представляет сама по себе (ноумен), имеет принципиальное различие. В диссертации 1770 года Кант утверждал, что ноумены постигаются непосредственно умом, теперь он считает их недоступными никакому познанию, трансцендентными. Сколько бы мы ни проникали в глубь явлений, наше знание все же будет отличаться от вещей, каковы они на самом деле. Разделение мира на доступные знанию „явления“ и непознаваемые, „вещи сами по себе“ – опасная тенденция агностицизма»

А. Гулыга Кант

«Нигде в мире, да и нигде за его пределами невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться благом без ограничения, кроме одной только доброй воли»

И. Кант

«Различие нравственности от права, в смысле независимости нравственного сознания от внешних и принудительных законов, должно было получить у Канта резкое выражение. Ибо никогда, ни прежде, ни после него, нравственность не отождествлялась в такой мере с внутренней свободой личности от каких бы то ни было внешних стеснений. Мы приводили уже ранее выражении Канта, согласно которому мораль должна быть утверждена «независимо от какой-либо опоры на небе или на земле». Безусловная внутренняя свобода, независимый от каких-либо внешних принуждений самодержавный разум и истинная нравственность являются для Канта синонимами. Но поставив нравственность на недостижимую высоту чистого служения долгу, к которому не должны примешиваться никакие помыслы и мотивы Кант совершенно устранил связь с ней права. Возможность живительного взаимодействия двух областей, таким образом исключалось, и право, взятое в полной противоположности с моралью, превращалось в чисто внешнее исполнение закона. Канту невольно приходилось ограничиваться при характеристике права внешними и отрицательными чертами, которые низводили право с высоты нравственного явления на степень чисто внешнего учреждения для взаимной охраны. Ученик Канта Фихте дал этому взгляду наиболее резкое выражение:

«В области права для доброй воли нет применения; право должно осуществляться, если бы даже ни один человек не был склонен осуществлять его добровольно; физическая сила, физическая сила, и только она, сообщает ему санкцию»

П. Новгородцев Кант и Гегель в их учении о праве и государстве

«Наиболее прочная опора нравственности, единственный истинный источник категорического императива – долг. Только долг, а не какой-либо иной мотив (склонность и пр.) придает поступку моральный характер. Кант: «Имеются некоторые столь участливо настроенные души, что они без всякого другого тщеславного или своекорыстного побудительного мотива находят внутреннее удовольствие в том, чтобы распространять вокруг себя радость и им приятна удовлетворенность других, поскольку она дело их рук. Но я утверждаю, что в этом случае всякий такой поступок, как бы он ни соотносился с долгом и как бы он ни был приятным, все же не имеет никакой нравственной ценности». Этот ригористический пассаж вызвал возражения и насмешки. Шиллер не мог удержаться от эпиграммы. Близким охотно служу, но – уввы! – имею к ним склонность.

Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?

Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье

И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг!»

А. Гулыга Кант

«Кант: «Законы свободы, в отличие от законов природы, называются моральными. Поскольку они относятся к поступкам и определяют известный внешний образ действий, они считаются юридическими; если же, сверх того, они требуют и соответствующих мотивов, они называются этическими»

Таким образом, юридические законы наряду с этическими являются моральными и в качестве таковых имеют априорное происхождение. Они основаны не на том, что случается, а на том, что должно быть в соответствии с требованиями разума, хотя бы действительность не представляла для этого никаких примеров. Однако, если моральная основа права указывается в происхождении его из чистых начал разума, то остается непонятным, как эта основа сочетается с собственной сущностью права, как внешнего порядка? Спрашивается, каким образом нравственность может брать под свою охрану предписания, имеющие свое происхождение исключительно в законодательном произволе? Как разум может предписывать то, что не вытекает из его требований? Утверждение Канта, что всякая обязанность, откуда бы она ни происходила, может стать предметом этических велений, противоречит его учению об автономии воли как коренному условию нравственности. Учение о совпадении юридических обязанностей с нравственными смешивает все обязанности, какого бы ни было их происхождение и содержание, в одну неразличимую массу нравственных требований.

Естественное состояние противоположное юридическому ставится здесь наряду с этим этическим естественным состоянием, которое представляет собой постоянное проявление зла (войну всех против всех) и из которого человек должен выйти, чтобы сделаться членом высшего нравственно общения.

Цель государства определяется «не как счастье граждан (это последнее может еще лучше достигаться в естественном состоянии или в деспотических формах), а как высшее согласие с принципами права, стремиться к чему нас обязывает разум при посредстве категорического императива»

Кант: «Безусловное подчинение народной воли (которая сама по себе является разъединенной и следовательно незаконной) воле суверенной, объединяющей всех посредством единого закона, есть акт, который может быть совершен только через овладение высшей властью. Этот акт впервые обосновывает юридический порядок. Допускать возможность сопротивления этому полностью – значит противоречить самому себе, ибо в таком случае оказывалось бы, что та первая власть не есть высшая и определяющая собой право»

Элементы учения Гоббса вновь вторгаются в эту политическую систему. Требование народовластия сменяется девизом английского абсолютиста. В других выражениях Кант повторяет тот же принцип: «Каково бы ни было происхождение верховной власти предшествовал ли ей договор о подчинении, или же власть явилась сначала и потом уже установился закон – для народа, который находится под владичеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие государству рассуждения. Закон, который столь священен, что было бы преступлением хотя бы на мгновение подвергать его сомнению, представляется как бы исходящим не от людей, а от высшего законодателя. Таково именно значение положения: „Всякая власть происходит от Бога“. Оно выражает не историческую основу государственного устройства, а идею или практический принцип разума, который гласит: „Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение“. Очевидно, это уже нечто большее, чем принцип суверенитета, ибо и простые рассуждения по поводу власти отвергаются как бесцельные и опасные умствования. Этот результат не вполне сходится с тем другим требованием, которое шло из глубины нравственного сознания. Там требовалась свобода, автономия воли, царство лиц как целей; теперь нам говорят о безусловном подчинении и священном характере власти. Но такова уж была доктрина, соединившая в себе самые разные мотивы – этические и практические, либеральные и консервативные. Не без основания сравнивают ее с головой Януса, глядящей в разные стороны»

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учение о праве и государстве

«Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает; Далеко не преуспев в том, чтобы все более и более быть собою, оно проявляется, напротив, все более и более как гипотетичное Я. при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь – всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь, в конце концов, все здесь зависит от произвола Я. Стало быть, этот человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному

стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться, что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству»

Кьеркегор Болезнь к смерти

1. КОПЕРНИКОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАНТА

Рационализм формулировал силу сознания, духа в его способности к познанию объективных закономерностей. Существуют законы природы, независимые от воли людей. Познание этих законов развивает и накапливает силу разума, путем накопления знаний и возможностей контроля действительности. Сила как и раз и состояла в наличии этих неизменных объективных закономерностей, так как их объективность гарантировала доступ к внешней силе, а их неизменность накапливание знаний и силы в контроле природы.

Немецкая классическая философия, отцом которой считается Кант (а последним творческим представителем Маркс) изменила все это.

Кант заявил, что сознание способно воспринимать только явления мира, а сущность этого мира, которая составляет его реальность, ему недоступна. По сути, это четко артикулированная теория агностицизма, но теоретическое иезуитство Канта, которое будет свойственно всей немецкой классической философии (особенно диалектической) заставляет его утверждать, что он только открыл новую критическую философию, очистив теорию познания от догматического сна. На самом деле, он доказал непознаваемость мира, параллельность феноменального (явления) и ноуменального (сущность) миров.

Кант, разрушив доктрину рационалистов о существовании объективных закономерностей, познание которых составляет существо процесса познания и определение истины – начал развивать идею, которая окончательно оформиться у Гегеля и Маркса. Идею о том, что разум не постигает законы природы, а творит их сам (для Гегеля во всем, для Маркса в социальной действительности). В этом состоял его коперниковый переворот, который впрочем он только начнет. Завершит его несомненно Гегель доктриной о разуме субъекте, который творит сам себя, материю и просыпается в человеческом сознании. Но начало этому всесильному абсолюту, который сам создает законы природы и имеет непосредственное воплощение в сознании человека, положит философия Канта, в которой впервые было сформулировано, что рассудок не черпает законы из природы, а предписывает ей. Для Канта это следствие субъективности интеллекта, который содержит все знание априори. Заявив, что мир «вещей в себе» есть мир сущности, мир реальности, который недоступен человеку, он продолжает утверждать, что его теория не есть агностицизм, и что научное знание возможно. Но сущности – это и есть истина, и если истина недоступна и восприятие человека субъективно, то о какой науке, о каком «знании» может идти речь? Такое «знание», обладая лишь искаженными образами кривого зеркала

своего субъективного восприятия, не позволит осуществить никакой обратной связи с реальным миром. Это фантазии оторванные от реальности,ставляющие человека бессильным дураком, наслаждающимся самообманом.

Гегель постарается устранить это противоречие и заявит, что разум творит реальные законы природы, а не фантазирует какие то априори; он видит именно сущности, а не какие то явления. Однако, если у рационалистов законы существуют от века, и наш разум только постигает и открывает их, у Гегеля разум именно сам творит, выдумывает эти законы, так что проверить их истинность становится также невозможно, как постичь законы природы в философии Канта.

Гегеля страшно раздражала субъективистская импотенция кантовского разума, смотрящего на мир сущностей сквозь глупые очки-априори и знающего об этом. Он считал, что если он заявит о том, что разум творит эти законы по настоящему, а не приписывает просто свои фантазии природе, истинная сущность которой ему недоступна, то он избавит разум от этой постыдной беспомощности. Однако, субъективизм Канта сохранился, так как если у Канта разум постигает сам себя и потому ничего не знает о реальном внешнем мире, то у Гегеля разум продолжает постигать сам себя, но уже не потому что не может познать внешний мир, а потому что внешний мир у Гегеля предстает творением разума.

Поэтому получилось наоборот, он только усилил субъективизм позиции Канта и беспомощность разума: с введение всемогущего субъекта-абсолюта, находящегося в становлении, созидającego и отменяющего законы вселенной абсурдность «коперникова переворота» Канта становилась еще более очевидной. Делалась заявка на существование какой-то надчеловеческой субстанции, которая всемогуща творить законы для себя и для природы, постоянно меняя их. При этом сила сознания реального человека полностью уничтожалась, поскольку человек не чувствовал в себе сил творить законы для природы и для себя. Его реальная сила, которая состояла в познании объективных неизменных законов природы была уничтожена, а ее место заняло всемогущие надчеловеческой субстанции, которой нельзя было ни коснуться ни проверить каким-то другим способом.

Однако, невозможно понять какие трудности могли возникнуть с объяснением образования понятий в рационализме: разум видит законы в природе, активный и пассивный интеллект, мышление и законы. Постигая законы природы, мышление образует новые теории, контроль открытых законов природы – новые технологии

«Объяснение было основательным, но обладало одним существенным изъяном: не могло ответить на вопрос, откуда берутся ошибки», – вот все что может на это возразить Гулыга.

Человек ведь не бог, не абсолют Гегеля, который творит свои законы сам, он постигает их понемногу, ограниченными возможностями своего человеческого интеллекта. Конечно, он будет ошибаться, но в конечном итоге он способен обнаружить истину, и это главный и решающий фактор. И уже больше ничего не надо объяснять.

Однако, Гулыга в марксистской традиции о сверхважности открытой Кантом «активности познания» утверждает, что именно Канту, а не рационалистом удалось объяснить происхождение новых понятий. Ведь и Маркс вслед за Гегелем утверждал, что в социальной мире человек сам творит законы бытия и именно Кант был зачинателем этой «деятельной теории познания».

Свободный художник из Канта получился хоть куда, в этом с Гулыгой не поспоришь. Но вот имеет ли к науке какое-либо отношение живопись – уже другой вопрос. Воображение, безусловно, участвует во всех ментальных процессах и тем более в познании, но разница между позицией рационализма и кантовской совершенно в другом. Если Декарт говорил о второстепенном значении воображения и о ведущей роли интеллекта в познании, то у Канта воображение заступает место разума.

Как эмпирики, так и рационалисты ставили целью познания – открытие истины (как все нормальные люди, хочется сказать). И именно поэтому эмпирики, когда поняли, что чувственным путем найти истину не получится, честно заявили об агностицизме (Юм). Потому что только истина (сущность) может быть целью познания. Разумеется, чувственным путем можно получить много разной информации, но цель познания – истина.

Рационалисты напротив сразу заявляли, что цель познания сущность и что свойство разума в его способности разглядеть эту сущность в вещах.

Отличие Канта от этих уважаемых людей состояло в том, что у него сущность познать невозможно, истина недоступна. Новые теории – это не истина, а облачение опытных данных чувственного восприятия в готовые идеи априори, существующие независимо от опыта. Понятно, что в данном случае речь не о воображении, а именно о фантазии, которая фантазирует и придумывает мир, не имеющий никакого отношения к реальности. И да, это мир свободного художника. Поэтому марксистская философия поспешила, конечно, с выводами о том, что «коперников переворот» Канта как введение доктрины «деятельного познания» имел какое-то значение для теории познания, кроме негативного. Они предпочитают говорить о «тенденции агностицизма», но не о самом агностицизме:

Спекуляции Канта на тему гносеологии имели результатом три направления в последовавшей философии духа:

1. Антиинтеллектуализм: агностицизм Шопенгауэра, Ницше, Сартра, которые стали писать о философии воли, отрицая интеллект в качестве ведущей характеристики духа

2. Диалектическая логика: абсолютная свобода разума творить законы природы у Гегеля и свобода сознания творить законы социальной жизни у Маркса

3. Особые «науки о духе», противопоставленные естествознанию: социология Шпенглера, Риккерта, Дильтея, Вебера. Сущность этого направления в том, что оно впитало все кантовское лицемерие именовать отрицание познания – особенным знанием. Любая ментальная активность, которая позиционирует себя как «научную деятельность» будет стремиться формулировать законы изучаемой сферы. Вред ложной науки в том, что она производит заведомо ложные конструкции в качестве «знаний», затрудняя тем самым процесс познания мира. Неокантианцы объявили объектом своего исследования «дух» целых обществ, цивилизаций, представляя устоявшиеся институты этих обществ в качестве эталонов, которым должны соответствовать индивиды, как бы вредны и бессмысленны не были эти институты.

Однако, на самом деле, он просто возвел агностицизм уже в степень догматической философии, что скоро скажется в трудах антиинтеллектуалистов.

В итоге, философия Канта явилась неким подобие ядерного удара по философии духа, которая сразу по трем направлениям (антиинтеллектуализм, диалектическая логика, особые науки о духе) уничтожила все позитивное, что было сделано в философии духа рационалистами.

2. АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

С Канта начинается пафос философии абсолютной свободы духа, своего собственного законодателя, независимого от чего бы то ни было ни на земле ни на небе. Свои законы он устанавливает себе сам, это моральные законы, которые в отличие от законов природы есть законы свободы. И в этом свободном законодательстве существо этого свободного духа. Позже Гегель разовьет индивидуальный абсолют Канта до степени космического духа-абсолюта, который подобно кантовскому категорическому императиву сам себе устанавливает законы, находясь в постоянном процессе становления. Маркс вернет космический абсолют Гегеля на землю и не разрешит ему выходить за пределы общественной жизни людей: тут он опять станет полновластным владыкой. Потом Сартр будет говорить об абсолютной свободе выбора индивида, об отсутствии каких-либо законов природы сдерживающих его, о жизни как о «художественном проекте», который в творческом русле предстоит разрешить каждому свободному инди-

виду. Ницше встанет с абсолютной свободой воли, способной восставать против всего человеческого, величие которой в том, чтобы «выдержать уничтожение миллионов недоделанных и неполноценных и не погибнуть».

Однако, результатам этой свободы не позавидуешь. Ницше сошел с ума и до самой смерти так и не пришел в сознание. Гегельяно-марксистская социология породила общество террора диктатуры пролетариата. Сартр вынужден был оправдываться в статье «Экзистенциализм — это гуманизм», что свободная воля все же ограничена гуманистической этикой. А что же сам Кант? Небесная свобода его духа в конечном итоге самым банальным образом обрела свою реализацию в... абсолютном подчинении всякой власти.

Трактуя мораль, как вмененную самому себе обязанность, смешивая юридические и этические обязанности личности, Кант абсолютно извратил понятие морали, как врожденной совести и справедливости. Согласно его доктрине, чувствовать сострадание к другим и радоваться их успехам — значит перестать быть моральными, поскольку то что приятно перестает быть обязанностью и становится удовольствием. Гулыга пишет, что гитлеровская пропаганда широко использовала этот его догмат о моральной обязанности, которая не должна ничего чувствовать.

Теория «всеобщей воли» Руссо, которой последний постарался выразить демократический принцип подчинения народа только народном законодательству, формализуется и извращается Кантом. Он старается сохранить лицо и продолжать говорить о свободе, исходя из принципа Руссо о том, что подчинение законам, которые народ устанавливает себе сам, есть подчинение самому себе. Но у Руссо «всеобщая воля» происходит из общей человеческой природы людей, из законов природы, которые все здоровые люди ощущают как потребность в совести и справедливости («Эмил»), из реального договора наконец. В такой интерпретации речь действительно идет о народном законотворчестве, об общей человеческой воле, выражающей общую природу людей, хотя можно бесконечно спорить о степени в которой демократии доступно выражение этой всеобщей воли.

По другому понимает всеобщую волю Кант, который категорически не согласен с Руссо и в природной доброте людей и в каком то изначальном договоре, который имел место. Напротив, согласно Канту, власть впервые объединяет разрозненные воли индивидов, и этим вводит нравственный порядок. Если у Руссо, и вообще теоретиков естественного права — законодательная власть всегда выражает природную нравственность людей, их склонность к справедливости и совести, то у Канта наоборот, власть порождает мораль. Поэтому власть объявляется священной.

Действительно, все претензии на абсолютную свободу волю всегда имеют своим завершением совершенно противоположную тенденцию — полную потерю силы и рабскую ограниченность. Это не парадокс, это естественный результат разрушения силового поля человеческой энергии: его способности к познанию и контролю законов природы. Именно эта «интеллектуальная любовь к богу» как называл процесс познания Спиноза, эта страсть к познанию, о которой Платон пишет, что мы стремимся к знанию со всем жаром влюбленных сердец и составляет источник силы людей, их реальную свободу, которая по определению не может быть абсолютной. Чтобы быть сильными мы должны иметь доступ к энергии внешнего мира. Чтобы иметь этот доступ должны существовать объективные законы природы. Познание этих законов откроет нам доступ к силам природных энергий и уже открыло. И это есть наша реальная сила — сила контроля природных энергий.

Все же заявления о том, что человек сам творит свои законы, что он всесилен и не нуждается во внешнем мире, всегда на деле приводят к его полному бессилию. Так и у Канта (а позднее у Гегеля и Маркса) все претензии на абсолютную свободу закончились постулированием морали как необходимости подчинения любой власти.

Поппер называл феномен превращения абсолютной свободы в несвободу «парадоксом свободы», но на самом деле никакого парадокса в этом нет, только чистая закономерность. Очень удачно сказал об этом Кьеркегор в «Болезни к смерти»:

Глава 4. Социология Вебера: господство и вождизм

- 1. Юридический и научный суверенитет**
- 2. Свободная от этики социология Вебера**
- 3. Военная дисциплина и ответственность интеллигенции**

«Мне кажется, что для анализа процесса осознания специфических особенностей природы и общества нам потребуется хорошенько усвоить одно важное различие. Это – различие между (а) или законами природы, такими, как например, законы, описывающие движение Солнца, Луны и планет, смену времен года и т. п., а также закон гравитации или, скажем, законы термодинамики, и запретами и заповедями, т. е. правилами, которые запрещают или требуют определенного образа поведения. В качестве примера нормативных законов можно назвать Десять заповедей, правовые нормы, регулирующие порядок выборов в парламент, и законы афинского полиса. *естественными законами, (b) нормативными законами или нормами,*

Закон в смысле закон природы – описывает жесткую неизменную регулярность, которая либо на самом деле имеет место в природе (в этом случае закон является истинным утверждением), либо не существует (в этом случае он ложен). Закон природы неизменен и не допускает исключений. Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы. Хотя мы можем использовать их в технических целях, они недоступны изменению со стороны человека, а их незнание или игнорирование может привести к беде. (a) –

Ситуация совершенно иная, когда мы обращаемся к нормативным законам. Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но «истинным» или «ложным» его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем – человеческими решениями и действиями. Этот контроль обычно осуществляется путем применения санкций – наказанием или предупреждением того, кто нарушает закон. (b) –

Вместе со многими учеными, в особенности социологами, я полагаю, что различие между законами в смысле (a), т. е. утверждениями, описывающими природные регулярности, и законами в смысле т. е. нормами типа запретов и заповедей, является фундаментальным и что два этих типа законов едва ли имеют между собой что-либо общее помимо названия» (b),

Карл Поппер

Открытое общество и его враги

«По характеристике Поппера, это положение психологизма, что „как происхождение, так и развитие традиций должны быть объяснимы путем обращения к человеческой природе“ Эта попытка свести факты социальной жизни к психологическим законам логически вела к спекуляциям по поводу сущности происхождения и развития общества. Поиски чисто психологического происхождения социальных норм, воплощенных

в разных обычаях и институтах, заставляли искать некое начало исторического развития – такое дообщественное состояние людских скоплений, когда введение в них нормативных регуляторов зависело только от психологических факторов, на которые еще не накладывалось влияние устоявшихся коллективных учреждений. Поппер верно характеризует и бесперспективность и генеалогию подобных идей: „Эта позиция является тупиковой, потому что теория, признающая существование досоциальной человеческой природы, объясняющей появление общества – психологический вариант теории „общественного договора“, – представляет собой не только исторический, но... и методологический миф. Вряд ли ее можно обсуждать всерьез, поскольку мы имеем все основания полагать, что человек, или, скорее, его предок стал сначала социальным, а затем уже и человеческим существом (учитывая, в частности, что язык предполагает общество)» Гораздо более обоснованным выглядело бы истолкование психологического в социологических категориях, а не наоборот»

Ковалев А.Д

История теоретической социологии

«Защищая абсолютную власть, Гоббс склонялся к тому, чтобы по выражению одного из его соотечественников, Полока, потопить всю нравственность в положительном законе. Следуя этому основному принципу, он доходил до утверждения, что все наши нравственные представления должны определяться предписаниями власти. Он возмущался против мнения, что подданные могут иметь свое представление о добре и зле»

П. Новгородцев Лекции по истории философии права

«Любая успешная политика насилия над другими странами, как правило (по крайней мере первоначально), поднимает престиж внутри страны, а тем самым силу и влияние тех классов, групп и партий, под руководством которых был достигнут этот успех»

Макс Вебер

«Гейдельбергская школа неокантианцев стремилась, в частности, обосновать историческое знание с помощью методов рассуждения, отличных от обобщающих методов естествознания. Как Дильтей, так и Зиммель выступили против позитивизма и против агностицизма.. В отличие от материала естествознания, который один и тот же всюду и поэтому может быть понят через универсальные законы, относящиеся к любым областям пространства и времени, человеческая культура выступает в бесконечном многообразии различных типов, каждый из которых требует специфического понимания своей уникальности. Риккерт, Дильтей и их школа таким образом, обосновывают способ исторического бытия, метод изучения человеческой культуры или гуманитарных наук с их особым типом познания и собственными методами. Такой подход лег в основу «идеальных типов Вебера»

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

«Такой подход лег в основу «идеальных типов» Вебера, которые представляли собой не гипотезы для объяснения существующих фактов

капиталистического общества, а были интуитивным восприятием «духа капитализма». Существующая система постигалась как мирозерцание, как взгляд на мир, как нечто уникальное. Она не мыслилась в терминах обобщения фактов об обществе как таковая. Таким образом, очевидно, что социология Вебера не претендует на успешное объяснение индийской кастовой системы, китайского элитаризма, основанной на рабской труде древнегреческой демократии или феодальной системы средневековья. Что будет следовать из этого? Ряд обособленных общественных порядков, любая структурно-функциональная система, противостоящая своим членам как готовый и неизменяющийся объект. Конечно, кажется довольно странным, когда социальная история человечества выглядит как множество последовательно существующих несоизмеримых «жизненных форм», каждая из которых может быть постигнута с помощью интуиции, а ее уникальность схвачена лишь благодаря непосредственному пониманию. Разве такой плюрализм есть последнее слово?

Сразу же оказывается, что если представленные Дильтеем формы культуры будут реализованы в действительности, тогда (если сделанный Тойнби перечень цивилизаций точен) мы будем иметь дело более чем с двадцатью двумя формами, для каждой из которых будет требоваться свой собственный тип культуры и организации. Трудно увидеть во всем этом возможность существования единой науки об обществе. Напротив это уводит нас в произвольный мир полной относительности, для которого не существует и вряд ли когда-нибудь будет существовать какая-нибудь научно построенная теория. Обращение Риккерта-Дильтея к особым типам обществ, возникавших в истории, могло бы дать нам действительно нечто большее, чем некую ограниченную социологию капитализма. Но недостаток их подхода состоял в произвольности появления разных типов общества. Откуда они возникли и почему? Как возникли? Никаких предположений об их возникновении, изменении или развитии не выдвигается. Их бытие таково что они противостоят нам как вещи, как они есть, готовые, законченные и принимаемые без сомнений. Именно такова точка зрения любого сторонника эмпиризма. Но это не ответ, не реальная теория, не наука об обществе. Ничего кроме необходимости рассмотрения еще не исследованной проблемы такой подход не содержит.

Дильтей напоминает нам, что нет такой социологии конкретного общества, которая раскрывала бы смысл человеческой судьбы, развития общества, как такового, смысл человеческих стремлений. Может быть какое угодно множество совершенно различных социальных систем, с разными устремлениями, целями, правилами. Мы принимаем все что есть. Именно так люди думали о себе в прошедшие века. Но с возникновением науки, изучением истории после эпохи просвещения судьба человечества стала рассматриваться как единая история развития и прогресса вместе с препятствиями, периодами застоя и регресса, которые, разумеется, вполне возможны. У тех, кто согласен с Дильтеем, не может быть никакой философии человека. Полный релятивизм истории и жизни отрицает преобладание какой-либо одной линии развития над другими и тем самым значение и направление развития как нашего собственного общества, так и других обществ. «Люди плывут в безбрежном и бездонном море: в нем нет ни гавани для укрытия, ни дна чтобы бросить якорь, ни начала пути, ни пункта назначения» Рассматривая тип общества,

который предлагают нам социологи, как неизменную схему нашей жизни, мы лишь удивляемся, действительно ли не существует альтернативы, никаких иных возможностей будущего. В описании Дильтея хорошо интегрированного общества нет и намека на что-либо неприятное. В его собственном обществе покорность можно «интернализировать», сопротивление – объявить «патологией», а «отклонение» станет подходящим термином для устранения тревоги или даже чувства вины. Все может быть к лучшему в этом лучшем из миров.»

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

«Вебер попытался показать, что капиталистическая система должна исключать вмешательство в ее деятельность моральных соображений, связанных с человеческими правами, естественной справедливостью или общим благосостоянием. Таким образом, его социология свободна от человеческих ценностей как в трактовке экономики, так и социального строя в целом.

Как мыслитель он следовал традиции Канта, но его глубоко волновали экономические и политические проблемы, поднятые Карлом Марксом. Философская концепция Вебера сформировалась под непосредственным воздействием гейдельбергской группы философов-неокантианцев, и в особенности Риккерта. Вебер принял установленное неокантианцами различие между естественнонаучными и историко-социальными проблемами. Именно такой точкой зрения он руководствовался при исследовании природы капитализма и разработке концепции науки об обществе, свободной от ценностей

Государственные соображения Вебер считал превыше всех других соображений. Страстность, непреклонность убеждений, аскетическое служение чувствуется в каждой фразе его сочинений. Они часто могут быть грубыми и резкими, полными воинствующего национализма и презрения к тому, что Вебер называл плаксивой сентиментальностью. Ядро его философии заключается в том, что он рассматривает социальную жизнь в сущности как «борьбу человека против человека». Его кредо было первым недвусмысленным выражением социального дарвинизма как политической философии. Никто не должен заблуждаться относительно того важнейшего факта, утверждал Вебер, что социальное существование и национальная культура зависят от власти, необходимость в которой никогда не отпадет. «Не мир и счастье мы передаем своим потомкам, а скорее принцип вечной борьбы за существование как важнейший символ веры нашего национального рода»

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

«Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что „одна и та же“ этика имеет силу и для политического действия, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты

содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и “Спартака», именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима? Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов?

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы космической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не “работали” с политическим средством – насилием; их царство было «не от мира сего», и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона

Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи – такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, – напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души»

Макс Вебер Профессия как призвание и политика

«Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»

Макс Вебер Политика как профессия и призвание

«Являешься ли ты чистым воздухом, и одиночеством, и хлебом, и лекарством для своего друга? Иной не может избавиться от своих собственных цепей, но является избавителем для друга. Не раб ли ты? Тогда ты не можешь быть другом. Не тиран ли ты? Тогда ты не можешь иметь друзей»
Так говорил Заратустра Ницше

«Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая»

Государство Платон

«Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания. Дисциплина хороша на военных парадах, но ничего не стоит в действительной жизни, там, где результат может быть достигнут лишь сильным напряжением воли всех, направленной к общей цели. Хотя я тогда еще не формулировал моих мыслей словами, заимствованными из боевых кличей политических партий, я все-таки могу сказать теперь, что в Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом. На множестве примеров я видел всю разницу между начальническим отношением к делу и „мирским“, общественным и видел результаты обоих этих отношений. И я на деле приучался самой жизнью к этому „мирскому“ отношению и видел, как такое отношение ведет к успеху»

Записки революционера Кропоткин

«Теперь начинают понимать несовместимость братства и равенства с этими капканами, называемыми ассизами, свободы — и этих бойн под именем военно-судных комиссий; теперь никто не верит в подтасованных присяжных, решающих в жмурки судьбу людей, без апелляции; в гражданское устройство, защищающее только собственность, » *содержащее хоть сто человек постоянного войска, которые не спрашивая причины, готовы спустить курок по первой команде*

А. Герцен С того берега

«Пока я пишу, истребители с высоко цивилизованными людьми за штурвалом летают над моей головой, стараясь убить меня. Они не чувствуют кактй либо враждебности ко мне как к человеку, нет и у меня к ним враждебности. Они просто „выполняют свой долг“, как обычно говорят. Большая часть из них, вне всякого сомнения, добродушные, законопослушные ребята, которым не приснилось бы в страшном сне пойти на убийство в обычной жизни. С другой стороны, если кому-либо из них удастся разнести меня на куски точно сброшенной бомбой, он не станет спасать от этого сколько-нибудь хуже»

Подчинение авторитету Стенли Милграм

«Если человеческое равенство надо навсегда сделать невозможным, если высшие, как мы их называем, хотят сохранить свое место навеки, тогда господствующим душевным состоянием должно быть управляемое безумие.

Мысли и действия, караемые смертью (если их обнаружили), официально не запрещены, а бесконечные чистки, аресты, посадки, пытки и распыления имеют целью не наказать преступника, а устранить тех, кто мог бы когда-нибудь в будущем стать преступником. У члена партии должны быть не только правильные воззрения, но и правильные инстинкты. Требования к его взглядам и убеждениям зачастую не сформулированы в явном виде – их и нельзя сформулировать, не обнажив противоречивости, свойственной ангсоцу. Если человек от природы правоверен (благомыслящий на новоязе), он при всех обстоятельствах, не задумываясь, знает, какое убеждение правильно и какое чувство желательно. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах самостоп, белочерный и двоемыслие, отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами»

Джон Оруэлл 1984

«Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права»

Макс Вебер Политика как профессия и призвание

«Компании, которые добились выдающихся результатов, создали последовательные системы с четкими ограничениями, но они также предоставили людям свободу и ответственность в рамках этих систем. Они наняли дисциплинированных людей, которые не нуждались в непосредственном руководстве, и направили все свое внимание на управление системой, а не людьми. «Это и есть секрет того, как мы руководим магазинами с помощью дистанционного управления, – сказал Билл Ривас из Circuit City. – Это команда отличных менеджеров, работающих в рамках отличной системы, и на них лежит ответственность за их магазины. Вам необходимы руководители и сотрудники, которые верят в систему и делают все для того, чтобы система работала. В границах этой системы у менеджеров магазинов есть свобода действий, но есть и ответственность...

Управленческие команды великих компаний состоят из людей, ожесточенно спорящих по поводу решения, но действующих единой командой при его осуществлении, невзирая на личные амбиции. ...Как и Nucor, все великие компании применяли метод интенсивных обсуждений. Выражения: «громкие споры», «горячая дискуссия», «полезный конфликт» постоянно мелькали в газетных статьях об этих компаниях. Они использовали

обсуждения не для того, чтобы позволить людям «выразить согласие» и поддержать уже принятое решение. Процесс больше напоминал горячий научный спор, в котором участники пытались найти наилучший ответ.

В этом случае талант, тянущий на буксире всю компанию – основной фактор ее успеха, ее главный актив, и все держится только на нем до тех пор, пока он остается в компании. Однако, когда гений уходит, его помощники зачастую не знают, что делать дальше» *В отличие от великих компаний, уделявших огромное внимание созданию сильной команды менеджеров, несостоявшиеся великие поразительно часто использовали модель «гений с 1000 помощников». Согласно этой модели, компания – не что иное, как поле для приложения гения одной экстраординарной личности. Гении не собирают выдающихся команд менеджеров – они им не нужны. Очень часто они их просто не хотят. Если вы гениальны, вам не нужна команда такого профессионального уровня, как у Wells Fargo, ребята могут искать себе другого работодателя. Что вам нужно, так это армия исполнительных солдат, которые бы помогли претворять в жизнь ваши выдающиеся идеи.*

Джим Коллинз От хорошего к великому

1. ЮРИДИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Те, кто отрицал социальную физику Канта как способность познать законы общечеловеческой природы, отвергали и его разделение научного и юридического суверенитетов, промежуточный характер юридика в эволюции человеческого общества и конечное доминирование научного управления.

Поппер очень четко формулирует мысль Канта о противопоставлении юридических законов законам природы, когда говорит:

Здесь Поппер противопоставляет свое мнение всем «психологистам», которые подобно Канту и Миллю утверждали, что общество так же как и природа имеет неизменные и постоянные законы природы и это психические законы, которые мы можем познавать и контролировать так же как другие естественные законы. В этом смысле он хвалит Маркса, который ни в каком виде психологистом не был, и не считал, что обществом движут врожденные психические законы человека.

Поппер предпринял тщательный анализ первобытного общества в «Открытом обществе и его врагах», чтобы доказать, что коллективное сознание и общественные учреждения предшествовали личности, как самостоятельному разумному субъекту. И на этом основании делал вывод, что институты первичны по отношению к личности, а значит, законы психологии не имеют значительного влияния на общество и могут игнорироваться.

Однако, если с первым его утверждением не поспоришь, то вывод, который он из него делает более чем сомнителен. По крайней мере, теория психической энергии легко опровергает его доводы о том, что хронологическое первенство общественных учреждений по отношению к самостоятельному индивиду говорит об отсутствии психологической природы человека. Психика возникла не как психика отдельных индивидов, а как структура силового поля, носителями которых, безусловно являлись отдельные индивиды.

Например, психологическая система двух противостоящих фигур Эго и СуперЭго, открытая Фрейдом, является примером такой структуры силового поля, заложенной в каждом индивиде. В обществе эти структуры образуют одно единое силовое поле, в данном случае садо-мазохистские союзы. Первобытные общества были прообразами левиафанов Гоббса, поскольку потребности в насилии и подчинении четко проявлялись в обожествлении природы и добровольном жертвовании идолам себя. Разумное силовое поле психики, источником которого является интеллект, на данном этапе было исключительно слабым, существовало только

как потенция, зародыш. Оно разовьется спустя тысячелетия и тут же проявится в отчаянной борьбе против садо-мазохистских союзов, в поисках другого свободного и справедливого общества, что имело место уже в Древней Греции. Таким образом, еще раз доказано, что методология, как социологии, так и психологии не позволяет видеть закономерности явлений, но их легко идентифицирует теория психической энергии.

Так Поппер сформулировал свою теорию положительного права, как юридизма не имеющего источников в законах природы и являющегося самостоятельной наукой. Теорией, логическим развитием которой является отрицание верховенства права и понимание государственного суверенитета как «установления господства власти над населением», то есть суверенитета правительства.

Если нет законов природы в обществе, то не может быть и научного управления обществом. Так юридизм возводится в статус социальной науки и объявляется единственной возможной наукой об управлении обществом. Это мнение Гоббса, Макиавелли, Бодена, Канта, Гегеля, Поппера и Вебера. Даже, известный своим просвещенным либерализмом русский юрист двадцатого века П. Новгородцев разделял его. Но безосновательно, как мы попробуем доказать ниже.

Новгородцев пишет в своих «Лекциях по истории философии права», что «особенность школы естественного права состоит в том, что она, не ограничиваясь описанием фактов истории, всюду ставит вопрос об этическом их оправдании. Они все более переходят с точки зрения исторических аргументов на почву общечеловеческих требований, от истории к этике. В этом отличительная черта всего естественного права и в частности теории Локка». Локк пишет об этике как о «врожденной природе человека», также как Руссо, Цицерон, Милль, Спенсер или любой другой представитель естественного права. Для них источником права является эта врожденная природа человека, которая является моралью людей, а потом возводится ими в юридический закон. Для Гоббса, Макиавелли и других, которые либо вообще не признавали наличие общечеловеческой природы, либо подобно рейду полагали ее «звериной» и злой – мораль вводится юридическим законом.

2. СВОБОДНАЯ ОТ ЭТИКИ СОЦИОЛОГИЯ ВЕБЕРА

Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства – физического насилия. “ Всякое государство основано на насилии», – говорил в своё время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так.

Мы видели, что социальная физика, как ее понимал позитивизм, была классическим определением научного контроля о том, что наука есть познание и контроль законов природы. Таким образом, цель всякой науки открыть доступ к энергии природы, в данном случае к энергии общества. Научиться управлять обществом без насилия, посредством одного только знания, одной только образовательной и научной инфраструктуры общества.

Социология неокантианцев, которые резко отмежевались от позитивизма и объявили, что человек не имеет единой природы, никаких подобных целей перед собой не ставила и ставить не могла. Она также страстно выступила против агностицизма, заявив, что знание возможно, но это будет особое знание. Как им открыл Кант, человек не имеет общей природы, не детерминирован законами природы, обладая свободным моральным разумом, самостоятельно устанавливающим себе законы. Поэтому познавать в обществе универсальные законы, общие для всех было бы абсурдно, возможно лишь описать и интуитивно почувствовать специфику различных уникальных культур.

Можно было бы возразить, что «чувствование» прекрасно, но не относится к сфере наук и познанию. Что правильнее ставить вопрос об эстетическом постижении различных уникальных культур, что было бы и правильно и прекрасно. Можно было бы сказать больше: а почему собственно они говорят об уникальности целых культур, а не индивидов, как говорил их учи-

тель Кант? Следуя его логике до конца им бы надо было ставить задачу интуитивного прочувствования всех семи миллиардов человек, обитающих на земном шаре, их этических и эстетических предпочтений, гастрономических вкусов и интеллектуальных склонностей? Ведь если следовать логике Канта ничего не связывает людей во времени и пространстве, кроме разве что власти. Но тогда правильно изучать механизмы власти, а не интуитивное прочувствование культурной специфики.

Так или иначе, неокантианцы утвердили себя в качестве особой социальной науки, изучающей специфически человеческую реальность.

Результатом этих особых исследований стало описание своего чувственного восприятия различных культур различными авторами. Чисто эмпирическое накопление материала, которое могла быть полезно только как предварительная стадия для дальнейшей научной обработки этого материала, но только не как конечная «научная картина мира». Сомнительным итогом исследовательской работы энтузиастов-кантианцев стала доктрина «духа культур», появившаяся в результате простого эмпирического описания институтов данного общества. Это описание и бралось в качестве эталона общества, выразителя уникальности его духа, источника добра и зла – ведь для каждого общества существовала своя автохтонная ему этика. Так, и негативные и позитивные результаты исследований оказались только во вред действительной науке. Негативные результаты, которые состояли в отрицании истинной науки, самоочевидны. Позитивные результаты, «находки» социологов-неокантианцев стали источником обоснования релятивистской этики, а также ввели ложный объект исследования в виде гипотезированного как «дух культуры» общества. Это привело к утверждению ложных ценностей и ложной трактовке эволюции общественных институтов, а также извращению объективной этики.

Вебер немного иначе формулирует свою задачу: если человек свободен, то мы должны изучать не законы, которые им движут, а мотивы и цели которые он ставит, средства которыми он достигает своих целей позволят нам оценить уровень рационалистичности общества. Он пишет знаменитый «дух капитализма», где представляет капитализм протестантской романтикой перенесения монашеского служения богу из аскезы монастырей в служение трудом в реальном мире. Это «иррациональная» мотивация с точки зрения личной выгоды на этом свете, выявляет религиозную мотивацию собирания благ в мире ином. Однако, она оказывается исключительно выгодной и с экономической точки зрения, так как воспитывает людей в духе благочестивого и бережливого труда, отказа от роскоши и инвестирования средств в накопление капитала.

Это вполне правдоподобное объяснение психологических мотивов некоторых людей (не всех конечно), и как художественные заметки современного быта остроумного человека были бы очень уместны и любопытны. Это могло быть прекрасной апологией капитализма или даже могло быть эффектно использовано в его пропаганде. Но какое отношение все это имеет к науке об обществе? Как такой ограниченный отрезок в пространстве и времени человеческой истории может что-либо рассказать нам об обществе в целом или хотя бы о протестантизме и капитализме?

Взять для примера нашумевший очерк об итальянской мафии Роберта Савиано: «Каморра». Следуя научной методологии Вебера его можно было бы представить как «дух мафии» и рассказать там о том, что участниками организации двигает романтическая вера в величие «больших боссов», которой они набрались в голливудских фильмах. Что мечтой юношей становится иррациональное стремление стать большим боссом и быть убитым в расцвете лет в процессе отчаянной борьбы за звание крутого мафиозо. Так мы вполне объясним мотивацию участников каморры, их уникальную этику, но что нам с этим делать? Строить аналогичную организацию, насаждать мотивацию и проверять будет ли работать? Как применять наши «научные познания»? Или если бы взялись изучать «дух совка» к примеру? Мы

могли бы сказать, что это организация с выраженным господством элит, поддерживающих путем постоянного насилия и подавления свободы слова свою власть и порядок в обществе. Что это эффективная организация, сумевшая добиться выдающихся результатов в своем международном положении и в подчинении себе граждан. Что мотивацией граждан стала иррациональная потребность в уравнивании всех даже за счет собственной деградации. Таково положение вещей и другая уникальная этика. Как нам использовать полученные «научные знания»?

Вебер видел только одно использование своему методу: апологию и пропаганду своих взглядов и не скрывал этого. Он прямо заявлял о своем субъективизме и о своей цели защитить господствующие классы капиталистического мира от разрушительного влияния марксизма. Именно этой цели и были подчинены все его усилия в «социологии». В таком духе «социология» неокантианцев все еще может быть им полезна, но пропаганда никогда не сможет занять места социальной науки, как бы мы не относились к ее функциональной и этической ценности самой по себе.

В итоге, все эти «особые науки о духе» всегда ведут к одному результату: к демонстрации импотенции социальной науки и к признанию единственной эффективной социальной наукой – юридикализм.

Социология Вебера – это в первую очередь апология положительного права и вытекающего из него государственного абсолютизма, это утверждение невозможности каких либо претензий научного знания на управление государством.

И если теоретики естественного права пишут об этике как об источнике права, то Вебер изгоняет этику не только из социологии, но еще более уверенно из политики.

Напротив, теоретики истинной социальной науки настаивали на преходящем характере юридикализма и на объективной этике, как источнике любой власти.

Как и следовало ожидать, Вебер согласен с Кантом, Гоббсом и Макиавелли в том, чтобы Поллак сформулировал как «утопить этику в положительном законе», а Конт назвал бы жертвой науки юридикализму. Именно трудам этих людей мы сегодня обязаны тем, что теория суверенитета постепенно превращается в теорию господства правительства над народом, что идея верховенства власти правительства вытесняет идею верховенства права. Вебер высоко ценил понятия «власти», «господства», «национального суверенитета», государства как порождения положительного права и силовых институтов.

В точности такое определение государства как «установленного господства верховной власти над населением» дает и пропутинская теория государственного абсолютизма (многократно апеллирующая к социальной теории Вебера), откровенно насмехающаяся над понятием «народного суверенитета».

И в самом деле, понятие власти означает господство над кем-то, в данном случае правительства над народом. Народ может управлять, но не может быть одновременно и господином и слугой, субъектом и объектом власти. Действительно, из положительного права, из юридикализма как самостоятельной «науки» следует идея власти как господства и идея народа как «подданного» или «слуги» правительства.

Наша задача доказать, что никакого отношения к науке данная постановка вопроса и положение дел не имеет. Не только ведущие мыслители человеческого рода, но и весь исторический процесс – яркий пример противоположной тенденции, тенденции к верховенству научного управления. И если наше научное знание все еще не готово к тому, чтобы взять все управление в свои руки, то совершенно необходимо противопоставить научные институты силовым, освободить научные институты от вмешательства правительства. Заявить о научном суверенитете, как истинном выразителе народной воли. Это значит прямое участие научных институтов в управлении страной. Но для этого наука должна заявить о себе как о социальной физике. Социология неокантианцев с ее интуитивным вчувствованием в уникальные культуры мира не сможет предъявить подобных претензий.

3. ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Немного отвлекаясь от темы в связи с приведенным эпитафием, интересно вспомнить, что Вебер был последователем Ницше и в субъективизме и отрицании социальной науки и в декларировании принципа господства в противовес демократическому равенству. Однако Ницше, которого Куно Фишер презрительно именовал «просто сумасшедшим», отказываясь писать о его творчестве, был тонким человеком, действительно раздираемым противоречивыми чувствами и мыслями. Как тонко он подметил различие между двумя противоборствующими энергиями психики в приводимой цитате и как далеко это понимание от его философии власти, в целом довольно правильно воспроизводимой Вебером.

Приведенные цитаты Платона и Ницше говорят о двух принципиально различных системах человеческих организаций, где одни основаны на господстве и подчинении, так называемой военной дисциплине, а другие на научных дебатах, свободном общении и дружеской взаимопомощи, то есть на ответственности и самодисциплине. Причем, эти союзы везде представлены как антагонистичные, отрицающие друг друга и не способные сосуществовать в рамках одной системы. А если им приходится сосуществовать, то это будет бесконечная борьба на выживание какой-то одной системы.

Таковыми же несовместимыми являются доктрины государственного абсолютизма и народного суверенитета. Поэтому всякая последовательная теория суверенитета всегда придерживается только одной из них: либо утверждает господство власти правительства над населением вплоть до отмены парламентаризма и участия народа в законотворчестве, либо утверждает верховенство науки и вытекающее из него верховенство права, тождество научного и народного суверенитета, и временность юридической власти правительства на службе народа.

Вебер пишет о государстве как о «союзе господства, добившегося монополизации легитимного физического насилия как средства господства». Нельзя было высказаться с большей откровенностью о презрении к демократии, этике и всем прочим гуманистическим ценностям. Вебер последовательно проводит идею исключительности положительного права, отсутствия естественной науки об обществе, отрицания этики как выражения объективных законов этого общества – и в конечном итоге о верховенстве власти правительства как единственном источнике права.

В результате он развивает теорию силовых отношений господства и подчинения обществ садо-мазохизма, в основе которых так называемая военная дисциплина. Обществ, о праве которых Гоббс писал, что закон без меча суть слова.

Если гуманистов всех времен и народов возмущают общества садомазохизма, где достаточно приказа, чтобы свершилась любая подлость, то сторонники господства приветствуют именно такой образ действий, бездумное подчинение как «образцовую дисциплину». Вот например как об этом пишут Герцен и Кропоткин:

Эксперименты «Подчинение авторитету» Милграма заставили его утверждать, что вся природа социального зла, которая в конечном итоге стоила человечеству миллионов страшных смертей в концентрационных лагерях, происходит из этой военной дисциплины обществ господства и подчинения. К тем же выводам пришел Теодор Адорно в своей книге «Исследование авторитарной личности».

Люди, слепо выполнявшие приказы во время эксперимента, хотя они не находились под присягой и никто не заставлял их насильно, были мотивированы страхом перед авторитетом ученого и тщеславием в стремлении доказать ему свою значимость и понравиться ему. Они перекладывали ответственность за все последствия своих поступков на авторитетных ученых, чьим приказам подчинялись, отказываясь признавать свою вину в причинении вреда людям от своих действий по наказанию их высокими разрядами тока.

«Им хотелось продемонстрировать компетентное исполнение, но этому сопутствовало сужение моральной вовлеченности. Испытуемый доверял более широкие задачи постановки целей и соблюдения моральной стороны вопроса авторитету экспериментатора, на которого он работал.

Общая тенденция в корректировке мыслей у послушных испытуемых стремление уйти от ответственности за свои поступки. Они освобождают себя от ответственности, передавая всю ответственность экспериментатору, законной власти. Они видят себя ни как людей, которые действуют в рамках морали, но как агентов внешнего авторитета. В последовавших за экспериментах интервью, на вопрос почему они продолжали эксперимент, самым типичным ответом было: «Я не стал бы делать этого сам. Я просто делал то, что мне сказали». Неспособные проявить неповиновение авторитету экспериментатора, они переносят всю ответственность на него. Это старая история о том «что они только выполняли свой долг», которую слышали снова и снова в защитных речах тех, кого обвиняли в Нюрнберге. Но будет неправильно думать об этом, как о крепком алиби, состряпанном для случая. Скорее, это фундаментальный метод мышления большинства людей, в замкнутой ситуации подчиненной позиции во властной структуре общества. Это испарение чувства ответственности самое далеко идущее последствие подчинения авторитету.

Хотя человек, работающий под влиянием авторитета, кажется нарушающим стандарты своего сознания, не будет правильным сказать, что он теряет свое моральное чувство. Вместо этого, моральное чувство приобретает радикально другой фокус. Он не реагирует моральной сентиментальностью на свои действия. Скорее, его моральное чувство занято теперь вычислениями того, насколько здорово он справляется с ожиданиями уполномоченного властью лица. Во время войны солдат не спрашивает хорошо или плохо бомбардировка села; он не чувствует вины или стыда разрушая деревню: скорее он чувствует гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо он выполнил миссию, порученную ему.

Это точно сформулировал Джорж Оруэлл:

Джон Оруэлл очень рельефно изобразил противостояние научных институтов разумной энергии и мистики эгозащиты в виде насилия, господства и подчинения в своем известном романе «1984», обозначив весь процесс как «мыслепреступление»:

Надо заметить, что Макс Вебер в книге «Политика как профессия и призвание» хвалит такой отказ от ответственности у всех, кроме «вождя» нации, стимулируя тем самым военную дисциплину и отказ от моральной вовлеченности исполнителей в существо приказов правительства. Что собственно логично вытекает из всей его теоретической системы:

Прошу обратить внимание, что эту в высшей степени безнравственную позицию, которая как правильно замечает Милграм и Оруэлл сделала возможной машину смерти Третьего Рейха, ГУЛАГи большевиков и вообще все системные убийства и казни людей, Вебер называет в высшей степени «нравственным» отношением, «выполнением своего долга», как саркастически замечают ученые.

Другое известное на весь мир исследование со всей очевидностью доказывает, что отсутствие военной дисциплины не только не значит «неделового подхода», но напротив есть единственный истинно эффективный способ ведения любого общественного предприятия. Это исследование Стенфордских ученых, Пораса и Джима Коллинза, и их книги «Построенные навечно» и «От хорошего к великому». В их основе изучение и анализ деятельности самых успешных компаний, оставивших неизгладимый след на мировой культуре, побивших мировые рынки и рекорды рыночного долгожительства.

Легко видеть из этого отрывка, что руководство наиболее успешных компаний обратили особое внимание на разницу между военной дисциплиной и ответственностью интеллигентных людей. В то же время, военная дисциплина, иерархия и «господство» сравниваемых компаний, которые ученые условно обозначили как модель «гений с 1000 помощниками» в точности

соответствует веберовской модели вождизма. В другой книге «Построенные навечно» Порас и Коллинз пишут, что эти две системы не могут сосуществовать, и что если ты принадлежишь к системе с «военной дисциплиной» сообщества, основанные на интеллигентной дискуссии «сотрут вас как вирус». Точно также несовместимы понятия государственного абсолютизма и народного суверенитета.

Глава 5. Социология Гегеля и Маркса. Импотенция современной психологии

1. Линия и циклы философии истории

2. Научный контроль в обществе

3. Пространство интеллекта

«Для Гердера, например, история человечества есть непосредственное продолжение естественной истории. Гегель резко противопоставляет человеческое общество природе. Только в обществе происходит развитие. При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется: в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Природа существует только в пространстве, дух проявляется во времени, и таким его проявлением служит всемирная история»

А. Гулыга Гегель

Каждое общество, каждая эпоха, каждая культура иногда даже страна, рожают свои собственные локальные специфические закономерности, которые и раскрывают подлинный смысл исторического бытия на том или ином этапе развития. Исследователь, руководствующийся принципом историзма, выделяет в развитии человечества целостные системы и к каждой из них подходит с соответствующей меркой» *«Историзм как метод мышления предполагает рассмотрение социальной структуры в непрерывном развитии, когда исчезают старые закономерности и появляются новые. Если так, то, следовательно, невозможно охватить единой системой понятий развивающееся целое. В этом смысле существует известное противоречие между идеями последовательного историзма, развитыми в „Феноменологии духа“, и принципами, которые лежат в основе „Науки логики“ и „Философии истории“. В этом смысле Маркс говорил, что „не существует производства вообще“. Маркс подчеркивал, что историю нельзя осмыслить, „пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее над историчности“.*

А. Гулыга Гегель

«Следовательно, постичь то, что есть, – вот в чем задача философии, и как каждый из людей —сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. Итак, наука о праве стремится к постижению государства как некой разумной субстанции: она не ставит себе целью указать, каким должно быть государство, ее задача – исследовать, каким образом государство, этот нравственный универсум, должно и может быть познано. Философия, говорил он, есть эпоха, схваченная в мыслях. Всякая система философии

есть философия своей эпохи, поэтому в наши дни не могут существовать ни платоники, ни аристотелики, ни стоики, ни эпикурейцы, а только их эпигоны»
А. Гульга Гегель

«Все зависит от того, говорит здесь наш философ, чтобы понимать истину не только как субстанцию, но и как субъект. Это утверждение означает, что философия должна исходить не от первоначального или непосредственного единства, раз навсегда определенного в своем абсолютном совершенстве, а от живой субстанции, заключающей в себе начало отрицания и движения и достигающей своей полноты через деятельный процесс самоосуществления. Это не покоящееся и неизменное бытие, а процесс самоуглубления и самоосуществления»

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учение о праве и государстве

«Божественный разум, по словам Гегеля, не только могуществен, но и хитер: его хитрость состоит в „опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель“. Для Гегеля разум – некое надъиндивидуальное всемирно-историческое начало. Право мирового разума выше частных прав. Мировой разум имеет право быть расточительным и беспощадным. „он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил, он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело en grand, у него достаточно индивидов и народов для этой траты“. Разум не только расточителен, он хитер, он прямо таки коварен. Живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют»

А, Гульга Гегель

«Гегель: «Все государство есть их собственность точно так же, как и они находятся во владении его, так как оно составляет их субстанцию, их бытие. Эта духовная всеобщность составляет сущность, дух отдельного народа. Ему принадлежат особи, каждая из них есть сын своего народа и также сын своего времени, ни одна не остается позади него, а также не опережает его. Эта духовная сущность есть сущность индивидуума; он служит ее представителем, происходит из нее и заключен в ней»

Куно Фишер Философия истории Гегеля

«Что бы не воображал индивид о своей самостоятельности он не может выпрыгнуть за установленные пределы. Каждый индивид, поскольку он связан с духом своего народа, обретает с момента рождения веру отцов, и вера отцов является для него святыней и авторитетом. Выше морали Гегель ставит нравственность. Для него это различные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности проявляются органические формы

общности людей – семья, гражданское общество, государство. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода»

А. Гулыга Гегель

«в моральной области, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное; различные качества оказываются основанными на разности величин. Достаточно какого-то „больше“ и „меньше“, и мера легкомыслия оказывается превзойденной, и получается нечто совсем иное, а именно – преступление, посредством чего право переходит в несправедливость, добродетель в порок».

«История начинается с появления государственных образований. Государство, смена его форм «есть точнее определяемый предмет всемирной истории». Индивид, по сути дела, не цель, а средство, средство благоденствия и развития государства. История начинается лишь с появления государства и «завершается» установлением идеального, «истинного» государственного устройства. «Государство существует для самого себя. Оно есть божественная идея как она существует на земле».

Ортега-и-Гассет имел все основания назвать учение Гегеля философией Цезарей и Чингисханов

Только в государстве осуществляется подлинная свобода. Еще в «Науке логики» Гегель определил свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом примере тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы – рабство; злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию деспотической прусской монархии он выдает за реализацию принципа свободы»

А. Гулыга Гегель

«Основной принцип единства проводится Гегелем прежде всего в отношении к устройству власти. По мнению Гегеля это единство должно иметь свое выражение в едином конкретном лице – монархе, который представляет собой как бы живое воплощение государственного объединения. Легко видеть, замечает он, что государство должно быть самоопределяющейся и суверенной волей, последним решением. Трудность состоит в том, чтобы понять эту волю как личность. Значение суверенитета состоит именно в том, что наделенный им орган обрывает ряд сомнений и колебаний при помощи верховного объявления конечной воли. Во имя этого принципа все особые власти и дела в государстве должны сводиться к высшему единству; они не могут ни иметь самостоятельного значения, ни зависеть от частной воли; их последнее основание есть единство государства»

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учения о праве и государстве

«Государство и организуется путем выделения из народной среды верховной власти, которая предстает как определенный „орган“, „лицо“ – непосредственный носитель и держатель, владелец суверенитета, его хранитель и гарант. Как пишет Гегель, „в народе, который мы не представляем себе ни как патриархальное племя, ни как пребывающий в неразвитом состоянии... а мыслим как внутри себя развитую, истинно

органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей ее понятию реальности выступает как лицо монарха“. Идеи „отечества“, „нации“, страны, власти и, наконец, самого государства становятся имманентными „лицу“ властелина»

Н. Грачев Происхождение суверенитета

«Спиноза сформулировал проблему социально смоделированного дефекта очень четко. Он говорит: „В самом деле, мы видим, что иногда какой-либо один объект действует на людей таким образом, что хотя он и не существует в наличности, однако они бывают уверены, что имеют его перед собой, и когда это случается с человеком бодрствующим, то мы говорим, что он сумасшествует или безумствует. Не менее безумными считаются и те, которые пылают любовью и дни и ночи мечтают только о своей любовнице или наложнице, так как они обыкновенно возбуждают смех. Но когда скупой ни о чем не думает, кроме наживы и денег, честолюбец – ни о чем, кроме славы и т. д., то мы не признаем их безумными, так как они обыкновенно тягостны для нас и считаются достойными ненависти. На самом же деле скупость, честолюбие, разврат и т. д. составляют виды сумасшествий, хотя и не причисляются к болезням“. Эти слова были написаны несколько столетий назад; они все еще верны, хотя этот смоделированный культурой дефект достиг такого распространения в наше время, что его уже не принято более считать ни чем-то достойным ненависти, ни даже тягостным»

Человек для себя Фромм

«У них настоящая потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех возжеланий, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода возжеланий, которые он теперь распустил, дав им волю»

Платон Государство

«Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»

Этика Спиноза

Маслоу: «так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный

опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»
Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

Фромм: «А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть „удовлетворены“. Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх – вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все большие удовольствий, какие удовлетворяют его алчность и восстанавливают его внутреннее равновесие. Но алчность – бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения – мираж. Источник алчности – конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник – его ум и воображение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.